Белый Сокол

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE IT

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей
Белый Сокол

Алексей Николаевич Кулаковский
Белый Сокол
Повесть
Перевод с белорусского Татьяны Горбачевой.

Легкий стук по краю полка... Не полки, а полка - таким был этот пассажирский вагон. Две широкие верхние полки опускались с обеих сторон купе, и получался сплошной прочный полок. На нем и ложились пассажиры, кто успевал залезть наверх. А кто промедлил или не проявил сообразительности садился с краю, а ноги спускал вниз, и о них терлись головами и плечами те, кто протискивался коридором дальше.

Стук по краю полка неясно донесся до Виктора. Он проснулся и подумал, что это ему приснилось. Когда же снова задремал, послышался уже и голос кондуктора: "Билет, билет!.. Ваш билет!" Но доносилось все это издалека, будто из соседнего вагона.

"Пусть спрашивает у кого надо, пусть проверяет! А пока можно поспать. Военных он не должен трогать".

Рядом спали другие люди. На минуту открыв глаза, Виктор при тусклом свете ночника разглядел, что чуть ли не нос к носу с ним лежит женщина. Голова ее повязана платком, который туго затянут под подбородком, но подбородок молодой, округлый. Густые темные брови заметно выделяются над закрытыми глазами. Это она и улеглась тут недавно, втиснувшись между ним и пассажиром-соседом. И улеглась было на его плечо и еще на кого-то сбоку. Тотчас послышался возмущенный голос мужчины, а Виктор промолчал: он так хотел спать, что даже и большие помехи не могли бы его потревожить.

Закрыл глаза: только на миг мелькнула мысль, что стоило бы получше разглядеть, какой у женщины нос, что так тихо и ровно посапывает, вдыхая густой кисловатый запах людской одежды и обуви, какие у нее губы, что так хорошо, едва заметно вздрагивают при выдохе. И сам не заметил, как снова окунулся в дремоту, в душе испытывая благодарность к незнакомой и случайной соседке, - не храпит, не несет от нее застоявшимся запахом лука или чеснока, как это нередко случается, если рядом окажется мужчина.

Стук приближался и уже чуть ли не грохотал в ушах.

- Билеты, билеты! - требовательно выкрикивал кондуктор.

Но слушать его не хотелось, все время казалось, что

происходит все это во сне, а не в действительности. Затихнет стук по полку, перейдут в следующий вагон проводник, кондуктор или кто-то там еще, и установится тишина - до своей станции можно будет поспать.

Вскоре, однако, почувствовал - кто-то сильно уперся рукой в его плечо. Сон прервался: соседка выбиралась из своей щели, чтобы показать билет. Потом она снова втиснулась между спящими, будто нечаянно навалилась на него грудью и зашептала в самое ухо:

- Подвинься, товарищ военный... Я вздремну еще часок.

Он отодвинулся насколько смог и получил толчок в спину от соседа. Сквозь сон подумал, что могла бы женщина полежать и на его плече, чтоб не беспокоить никого другого.

Совсем проснуться пришлось оттого, что кто-то начал стучать по каблукам его сапог. Виктор поднялся, отвел от себя руку соседки. Возле полка стоял высокий с желтоватым при тусклом свете лицом проводник с двумя свернутыми в трубочку флажками в руке, тоже желтыми, и одутловатый пожилой мужчина в аккуратной форме железнодорожника, с фонариком на груди. Наверно, контролер.

- Ох, военный?! - будто извиняясь, проговорил пожилой. - По каблукам не узнать. Попрошу ваши проездные!

Виктор подал воинское предписание и неловким движением отбросил со лба светлые пряди волос, оглядываясь на то место, где только что лежала его голова, - искал пилотку.

- Высаживать мы вас не будем, товарищ гвардии лейтенант, - сказал контролер, внимательно рассмотрев при свете фонарика документы, - хотя едете вы не по маршруту: надо под Москву, а попали под Воронеж. - И, приглушив голос, спросил: - Это ошибка?

- Нет... Не ошибка! - виновато, но с уверенностью, что его поймут, сказал Виктор. - Время мое дозволяет навестить семью. Они живут тут неподалеку, в эвакуации. Сын у меня, понимаете?.. Еще ни разу его не видел.

- До какой станции следуете?

- До Анны.

- Через час приедем. Женщина с вами? Она тоже до этой станции?

Виктор покачал головой.

- Мы вас разбудим, отдыхайте! - успокоил проводник. И, глянув на полные ноги Викторовой соседки, со смешком и скрытой завистью прошептал на ухо контролеру: - Смелая баба: втиснулась между мужиков - и хоть бы что!

Виктор только теперь заметил, что рядом с его запыленными

сапогами белеют женские ноги, ничем не прикрытые, босые. Смутился на миг, подумал, может, стоит нарушить это случайное и слишком открытое для всех соседство. Попробовал свесить ноги и сразу уперся в чьи-то плечи или голову.

- Куда тебя несет? - послышался сонный, злой голос.

Тогда, больше не раздумывая, он решил досыпать тут, на своем, уже обжитом месте. Оглянулся, а свободного места у него за спиной как не бывало: его заняла соседка, повернувшись на спину и раскинув оголенные до локтей полные руки. Черный, а может, и синий или даже пестрый - в полумраке не разберешь - платок она сняла с головы и накинула себе на грудь. Когда Виктор наклонился, чтоб все же как-нибудь прилечь, то увидел, что под платком равномерно вздымалась и опускалась от спокойного дыхания высокая грудь. Возле шеи белела узкая, нежная полоска тела, и эта полоска показалась какой-то воздушной, стоило нечаянно тронуть платок или даже дохнуть на него - и, наверно, полоска исчезла бы.

Женщина лежала затылком на Викторовом рюкзаке, голова у нее небольшая, круглая, в мочках ушей блестели сережки. Длинные пряди волос рассыпались чуть ли не по всему рюкзаку. "Некуда лечь, разве только на женские волосы. А что она подумает? И как осмелиться сделать это?.."

Он дотронулся пальцами до волос, рассыпанных по рюкзаку с его стороны. Женщина крутнула головой, шевельнула плечами, немного отодвинулась, но на бок не повернулась и места не освободила.

"Забрать у нее рюкзак? - подумал Виктор. - Свой, поди, узелок есть".

Но стало жаль будить женщину: может, намаялась в дороге? Возможно, этот короткий дорожный сон - единственный ее отдых?

На станции Анна сошли только два пассажира: Виктор и его дорожная соседка. Поезд постоял минуту, будто выжидал, пока эта случайная пара ступит на узкий дощатый перрончик, затем со скрежетом и лязгом двинулся дальше, оставляя за собою длинные густые клубы мутно-белого дыма.

Три года назад Виктор был на этой станции - когда провожал в эвакуацию жену. Ему казалось, что все тут должно было сильно измениться с того времени: фронт подходил совсем близко, могли быть разрушения, следы бомбежек, изменены дороги, построены новые военные сооружения. Нет, вроде ничего такого. Он остановился возле тускло светившего в ночном мраке фонаря и стал напряженно оглядываться окрест, стараясь определить, в какую сторону лучше направиться, чтоб выйти на нужную дорогу.

- Куда вам, товарищ командир? - вдруг услышал он у себя за

спиной. - Я здешняя, может, смогу помочь?

- В Хреновое, - с нажимом проговорил Виктор, надеясь, что если женщина соврала насчет того, что она из этих мест, то смутится от такого названия и отойдет.

Но женщина не смутилась и нисколько не удивилась, - видимо, все привыкли тут к такому названию. Удивилась и насторожилась она, когда поняла, что Виктор собирается идти в Хреновое пешком, и сейчас же, ночью.

- Это же добрых сорок километров, - стала она отговаривать. - Как вы доберетесь? Ни машины, ни подводы ночью не найдете. Туда вообще мало кто ездит: там теперь почти ничего не осталось. Еще в начале войны немцы разбомбили тамошний конный завод, а когда фронт стоял поблизости, то... Лучше переночуйте в Анне. А завтра утром... Вам в военкомате помогут... Или в райкоме...

- Нет, не могу, - чувствуя доброжелательность в голосе женщины, сказал Виктор. - У меня очень мало времени: завтра я должен выбыть в свою часть.

- Я помогу достать машину, - убеждала женщина. - А до утра отдохнете: тут и в гостинице переночевать можно, и так у кого-либо... У меня, например... Я живу одна, место в квартире найдется. Вы и в вагоне не отдохнули: военный, а такой деликатный... - Она слегка улыбнулась, показав белую, будто посеребренную, полоску ровных зубов. - Лежит бочком, а потеснить боится! Можно подумать, я бы укусила...

Грудной, немного игривый голос женщины заставил Виктора внимательнее присмотреться к ней: не столько из любопытства и взаимной симпатии, сколько от стремления определить, что за человек перед ним и почему проявляет такую заботу. Прежде всего заметил, что он в туфлях-лодочках с ремешком на подъеме. Где она прятала эти лодочки, когда лежала между мужчинами на полке? Ноги в туфлях не казались такими толстыми, как при первом взгляде на них в вагоне. Они, пожалуй, были даже стройными, насколько позволяло видеть измятое от лежания на полке расклешенное платье. Волосы ее теперь были собраны на затылке в пучок. Клином на спине, а уголками на высокой груди лежал платок, но не черный или синий, как показалось Виктору в вагонном полумраке, а клетчатый - белый с красным. Интересно, куда она девала темный платок?

И только подумал это, как увидел, что в левой руке женщина держит и как бы прячет за спиною довольно большой узел: в нем могли уместиться и запасной платок, и туфли, и другие необходимые вещи.

Почему она не подложила этот узел себе под голову, а легла

на его рюкзак?

Такое недоумение возникло невольно. Оно конечно же незначительное, случайное, как и эта неожиданная встреча, но почему-то задержалось в сознании, и Виктор молча смотрел на нее, будто что-то обдумывая. И женщина ласково поглядывала на Виктора и тоже молчала. Может, и она ждала, надеялась что-то услышать от своего попутчика. Наконец заговорила, не сводя с него глаз и стараясь поймать его взгляд:

- Вы, наверно, не доверяете мне, считаете навязчивой. А я только добра вам желаю... И вашей жене, и сыну... Я слышала, что вы сказали проводникам в вагоне... Слышала и то, что один из них сказал про меня. Дурак желторотый! Я ведь часто езжу в Воронеж по службе. Так разве станешь выбирать, где сесть, где лечь? Вагоны всегда переполненные, люди стоя спят. На рюкзак ваш улеглась... Так хотелось хоть дохнуть тем духом с войны! С год назад, как раз в эту пору, муж мой наведывался... Тоже с военным рюкзаком... Побыл ночь и уехал. И вот с того времени...

Женщина прижала к лицу уголок платка и, видимо, только большим напряжением воли удержала слезы.

- Если б я имел хоть немного больше времени... - огорченно промолвил Виктор.

- Пойдете все-таки пешком? - не то спросила, не то посочувствовала женщина.

- Пойду! - сказал Виктор. - Мне не привыкать!

- Так вы же, наверно, из госпиталя?

- Ничего! Ноги-то у меня целые. А почему вы решили, что из госпиталя?

- Рюкзачок ваш йодом попахивает...

Женщина показала, как лучше выйти на нужную дорогу, и Виктор двинулся по ней ускоренным, маршевым шагом. Была пора самой густой ночной темноты, но в чистом поле еще можно было кое-как различить дорогу - помогали редкие и чуть видные в подоблачном тумане звезды. Однако вскоре начался лес, далекий свет звезд потонул в темных густых кронах высоких деревьев и почти совсем не пробивался на дорогу. Идти стало трудно, почти вслепую приходилось угадывать, куда ступить, и потому уже невозможно было сохранять нужную скорость. На первых же шагах Виктор несколько раз споткнулся, и один раз так неосторожно, что даже отдалось в раненом плече.

- Если часто станет так колоть, - вслух подумал Виктор, - то и за сутки не доберешься.

Когда-то он ходил этой дорогой, но так давно, что, пожалуй, и днем вряд ли смог бы отыскать более или менее надежные приметы. Невольно вспоминал совет женщины: видимо, верно она

говорила, - может, завтра удалось бы найти какой-нибудь транспорт. Но как надеяться на это? Там семья... Им, наверно, труднее ждать его, чем ему шагать по темной, почти позабытой дороге. Писал им, что постарается завернуть хоть на часок, а точного времени сообщить не мог.

От таких мыслей пустяком казалось покалывание в правом плече - ноги как бы сами прибавляли шагу. И все же, когда он возвращался к неумолимой действительности, сердце сжималось при мысли, что если и хватит у него сил на сорок километров, то до рассвета их не одолеть. А вдруг еще и с дороги собьется?

Виктор припоминал: на пути должна быть небольшая деревенька. Если ничего тут не случилось за годы войны, то она должна вскоре показаться. Однако вот уже сколько прошел, а вокруг лес и лес, вдоль дороги - кустистые заросли. Было немного звезд на небе, так и те скрылись за тучами, а может, спрятались за густые кроны деревьев. Вокруг еще больше потемнело, и еще трудней стало идти.

Угнетали, тревожили противоречивые чувства. Казалось, что если он теперь не повидает жену, хоть на минуту не возьмет на руки сына, то жизнь его превратится в сплошной мрак, он простить себе не сможет, что не использовал этот, возможно, единственный шанс. С другой стороны - если опоздает в часть и таким образом нарушит дисциплину, то кроме всяческих укоров и, пожалуй, взыскания - загрызет совесть: как можно в военное время допускать такие вольности? Учтут, что причина была исключительная? А может, и не учтут...

Сапоги все набрякли от ночной сырости, и Виктор почувствовал, что ноги его тяжелеют. Это немного испугало его, хотя он твердо надеялся на свою выносливость: не такие переходы приходилось делать, не такие трудности преодолевать! Неужели госпиталь отнял столько сил? Да не очень и долго лечился; лишь хорошо отоспался, отмыл походную пыль - и уже выписали.

До слуха вдруг долетел отдаленный, неясный звук. Виктор насторожился. Промелькнула догадка: наверное, из той самой деревни. Но мог и в лесу кто-нибудь подать голос: сонная птица, зверек, даже волк. За войну их много тут развелось. Вспомнилось письмо жены, в котором она рассказывала, как прошлой зимой где-то на этой дороге волки погнались за их санями. Хорошо, что в санях было немного соломы, стали жечь жгуты и отбились от стаи.

Звук повторился, и теперь Виктор ясно расслышал лай собаки. Значит, деревня тут! Казалось, за всю его жизнь никакой другой звук не был таким желанным и нужным.

"Собака лает - ветер носит!" А вот и не так! Надежду и радость принес этот лай. Тяжесть в ногах сразу уменьшилась, гнетущее чувство в душе улеглось. Поймут добрые люди там, в части, что человек не мог не завернуть к семье, если оказался почти рядом. Наверняка поймут, что поддержать семью в трудное время - это тоже долг воина.

Тонкий и незлой лай собаки доносился все отчетливее, и Виктор уже почти не глядел под ноги, а шагал споро и уверенно, приняв за ориентир бодрый голос, может, единственной в деревне дворняги. И скорее почувствовал, чем увидел, что лесная чаща впереди начала понемногу редеть, выплыла навстречу серая полоса горизонта и на нем несмело засверкала звезда. Лес кончился. Надолго или нет, Виктор не помнил и почему-то не думал об этом. С радостным чувством глядел на далекую звезду и представлял, что она светит как раз над тем местом, до которого ему надо дойти. И сияние ее усиливается, она будто приближается, плывет навстречу...

Перед глазами открылась большая прогалина, и не просека лесная, не просто полянка, а, видимо, обжитое место. С правой стороны ее и доносится лай собаки: кажется, там деревня. Засверлили в голове мысли-догадки и разные соображения о том, как лучше и удобнее попросить помощи у людей: может, кто и подвез бы хоть несколько километров...

В собачьем лае появились тревожные нотки, однако доносился он все время из одного места, видимо, собака была на привязи. Взглядываясь в ту сторону в надежде увидеть где-нибудь приветливый огонек в окошке, Виктор неожиданно для себя заметил на прогалине у самой земли нечто похожее на сугроб снега. Чутье бывшего кавалериста подсказало - это отдыхает, насытившись росистой травой, белый конь. Сам когда-то бывал в ночном, а потом и в армии не раз дежурил на конюшне, знал, что кони, когда хорошо наедятся, ложатся отдыхать. У него у самого был в эскадроне белый конь, Сокол. Любил тот Сокол полежать. И как ляжет, так даже в полумраке конюшни виден. Кони другой масти вороные, серые, буланые, - бывало, когда лягут, то почти сливаются с подстилкой, а Сокол выделялся, будто белой простыней был накрыт.

Виктор свернул с дороги, сделал несколько шагов к белому сугробу. Собака сразу же захлебнулась надсадным лаем. Понял, что она сорвалась с цепи и ринулась ему навстречу. В руках у Виктора ничего не было, на всякий случай он снял с плеча рюкзак и опустил его ниже колен.

Когда верный страж подбежал, подкатился совсем близко, то стало видно, что всерьез обороняться было не от кого: возле ног

закрутился маленький темный комочек, у которого не только ног и хвоста, а даже глаз не было видно. Однако злости и верности своей службе у него хватало: с таким отчаянием и угрозой кидался он под ноги и так упрямо норовил хватануть Виктора за голенище сапога, что все же пришлось несколько раз махнуть рюкзаком.

- Тихо ты! - послышался неподалеку сильный низкий голос. Прозвучал он на полутоне, и Виктору показалось, что если бы этот человек крикнул во всю мощь, то эхо всколыхнуло бы лес далеко окрест. Собачонка сразу приумолкла и стала ласково ворчать, подпрыгивая перед незнакомым пришельцем.

Человек тем временем зажег "летучую мышь" и подошел ближе.

- Кто такой? - спросил уже совсем тихо, однако в его голосе слышались внушительная сила и уверенность. - Куда черт... - Тут он запнулся, ступив ближе, уважительно поглядел на Виктора и неловко поправился: - Куда бог несет?

Прежде чем ответить, Виктор тоже смерил взглядом подошедшего. Тот был в военной форме с сержантскими погонами, на фуражке поблескивала красная звезда. На широкие плечи наброшен пехотинский бушлат, из-под него виднеется рядок медалей. Штаны-галифе командирские, но, видимо, перешитые из солдатских, так как до полной офицерской формы не дотягивали. На ногах добротные юфтевые сапоги, влажные от росы, но не разбухшие, значит, ходил мало, видимо, спал на свежем воздухе возле белого коня.

"Зачем такому дворняжка? - невольно подумалось Виктору. - Сам сумеет постоять за себя. И защитить кого надо!"

- Иду в Хреновое, - неохотно сообщил Виктор, не ожидая никакой пользы от такого разговора со случайным военным.

- Куда? - переспросил тот и хохотнул, приоткрыв губастый рот.

Виктор повторил.

- Ни хрена не понимаю! - уже громко и недоуменно промолвил военный. И, обернувшись назад, крикнул: - Христя-а!

Кудлатая собачонка вздрогнула от его возгласа и прижалась к земле шерстистым и, наверное, мокрым животом. Звучное эхо полетело и раскатами загрохотало в невидимом отсюда лесу. Христя услышала бы этот зов, если б была бог весть как далеко отсюда. Но она находилась близко, и вскоре Виктор не столько разглядел, сколько услышал, что к ним бежит, задыхаясь от спешки, женщина.

- Наш конюх, - доброжелательно объяснил военный и еще ближе подошел к Виктору, глянул на его гвардейский значок на

гимнастерке и на погоны. Прошу прощения, товарищ гвардии лейтенант! Видать, я тут... Сейчас все выясним.

Женщина, которая примчалась к ним, была в длинном, чуть ли не до самых пят, тулупе. Виктора несколько удивило то, что она была босая и с непокрытой головой. Увидев постороннего человека, она подняла огромный воротник своего тулупа и спрятала в него лицо.

- Разбудил? - с улыбкой спросил военный.

Из тулупа сначала послышалось частое от бега дыхание, а потом тихое и ласковое:

- Не-ет.

- Слушай, - обратился к ней военный. - Тут товарищ гвардии лейтенант в какое-то Хреновое идет, так, наверно, это совсем не в ту сторону?

- Почему не в ту? - возразила Христя, приоткрыв воротник тулупа. Можно и так попасть, через Бобровку, но это будет большой круг. Там развилочка была. - Христя уже совсем распахнула тулуп и показала рукою на тот лес, который Виктор недавно прошел. - Но вы, наверно, миновали ее ночью и не взяли влево, а пошли направо. Теперь только на Бобровку.

- Так и мне надо в Бобровку! - радостно произнес Виктор. - Туда моя жена эвакуирована... И сынок у меня там...

- Так это сюда, сюда! - искренне радуясь, что может помочь человеку, восторженно заговорила Христя и уже обеими руками стала показывать в ту сторону, куда Виктор и направлялся. - Далековато еще, но сюда! А где там ваша жена? Может, в школе?

- Да, в школе, - подтвердил Виктор.

- Вот как! - женщина воскликнула так удивленно и радостно, что Виктор насторожился. - А как зовут вашу жену? Может быть, я знаю ее?

- Христя! - перебил женщину военный. - Чего ты допытываешься?

- А что тут такого? - отозвался Виктор. - Вопрос уместный. Галей ее зовут. А фамилия? Моя - Вихорев, значит, и у нее такая же.

- Вихорева! - взмахнула руками женщина. - Так она же была у нас! Семен!.. Ты еще в госпитале тогда лежал. Ехали они вчетвером с Анны поздно... С конференции. Ночь застала, метель разбушевалась, так Наташа... Это сестра моя, - сообщила Христя Виктору, - учит в Бобровской школе... Наташа уговорила их переночевать у нас. Галина Васильевна завучем там работает?

- А я хорошо и не знаю, - смутившись, признался Виктор. - Она не писала мне об этом. Да какая переписка была у нас?.. Только пока в госпитале... Вот еду после выписки... Решил

заскочить. Думал, на крыльях долечу...

- Семен! - на секунду задумалась женщина. - А что, если б мы?..

- Ты конюх, ты и решай, - покладисто отозвался военный, сразу догадавшись, на что намекает женщина. - Это жена моя, - объяснил он Виктору. - Бригадных коней выгнали на ночной выпас по жнивью. Какие там кони... Но все же тягло.

- Ну, ты уж!.. - перебила его Христя и легонько толкнула в бок.

- Она меня подбивает, - уже открыто заговорил Семен, - чтоб я коня вам дал своей бригадирской властью. Доехать до Бобровки и завтра назад. Но по правде говоря, не во что запрячь.

- А верхом! - вставила Христя. - На Беляке!

- Верхом! - засмеялся Семен. - Ты же пробовала однажды проехать на нем верхом? Так где очутилась? Хорошо, что косточки уцелели.

- Так это он со мною так. А ты же ездишь!

- Я-а! - осклабился Семен. - Сравнила! Я в артиллерии служил! Там у нас были и тягловые кони, и верховые. Беляк ходил под седлом. Это правда. Но не у каждого! Я выменял его у артиллеристов... Откормил, выходил. Вон - старая привычка: когда хорошо наестся, ляжет на брюхо и спит.

Виктор еще раз глянул в ту сторону, куда показал Семен, и уже отчетливее увидел стройный силуэт белого коня. Теперь он заметил, что поодаль от этого белого красавца паслось и еще несколько коней. Их он не мог разглядеть издали - темная масть делала их незаметными на фоне ночного пастбища.

Семен подошел к Беляку, тот живо поднялся на ноги и вытянул к хозяину длинную стройную шею.

"Сокол, - подумал Виктор. - До чего же похож на Сокола!"

- Может, и седло есть? - преодолевая неловкость, спросил Виктор. - Если бы вы разрешили?.. Я примерно к десяти ноль-ноль и вернулся б.

- Ну, зачем уж так спешно? - возразила Христя и, выставив из-под кожуха голую, необыкновенно белую в темноте руку, погладила Беляка по шее. - Можно и после полудня...

- Седло есть, - отвечая на просьбу Виктора, сообщил Семен. - Но что оно поможет, если скажем... Беляк у нас с характером и может невзлюбить нового человека.

"Сокол, - снова мелькнуло в памяти Виктора. - Чтобы мой Сокол да меня невзлюбил? Не подчинился мне?.."

Вслух сказал:

- Насчет этого не сомневайтесь: я коней люблю и знаю. С малолетства пас и в ночное водил, как вы сегодня... Кроме того,

перед войною два года служил в кавалерии.

- Так мы с вами почти сродни!.. - воскликнул Семен. - А теперь где вы?

- Был в стрелковой части. А как дальше - не знаю. Скажут в резерве.

- Христя! - обратился Семен к жене. - Ты побудь при конях, а мы возьмем Беляка да сходим за седлом. Я быстро вернусь. Шарик с тобою останется.

Беляк послушно шел за хозяином и будто рад был, что вот его подняли и скоро можно будет размять ноги, расправить тело в жарком, стремительном галопе. Семен держал повод в правой руке. И что бы ни делал до этого, то все одной, правой рукой. Только теперь Виктор догадался, что левой руки у сержанта нет.

- Где это вас? - сочувственно спросил Виктор. - До ампутации дошло?..

- Да еще под Ельней, - вздохнув, ответил Семен. - Долго провалялся в окопе, истек кровью и рану загрязнил... Лечили, лечили - не помогло. Пришлось лишиться вот... Подчистую нестроевой теперь, а форму снимать не хочется: все не могу поверить, что уже совсем отвоевался.

- Меня возле Понырей в этот раз, - откровенностью на откровенность ответил Виктор. - В первый день их налета. Осколком снаряда... Тоже в плечо, но, конечно, легче, чем у вас: около месяца в бинтах походил, из строевых не выбыл.

Седлал Беляка Виктор сам, сержант только придерживал коня за ременные поводья хорошей сыромятной уздечки, которую вынес из кладовки. Конь в предчувствии скорого бега нервно перебирал стройными передними ногами, грыз удила. Семен успокаивал его, поглаживая рукой по шее, говорил самые ласковые слова, однако и сам заметно волновался: в таком состоянии конь порой не слушает и хозяина.

Вытянув руку, Виктор измерил длину стремян, взял у сержанта поводья, накинул их на челку коня и в тот же миг оказался в седле. Беляк сначала нагнул голову, затоптался на месте, потом свечкой встал на дыбы.

- Тихо ты! - крикнул на него Семен и выставил руку, чтобы схватить коня за удила. Но, увидев, что гость отпустил поводья и с ласковой улыбкой поглаживает Беляка по шее, успокоенно напомнил: - Рюкзак не забудьте!

Конь так стремительно взял с места, что в один миг оказался на дороге. Галоп его был ровный и уверенный, и, хотя дорога еще утопала в темноте, Беляк нигде не спотыкался и темпа не сбавлял. Виктор следил за его дыханием, чувствовал, что конь хорошо натренирован, при таком аллюре можно быстро добраться

до места. Семен ничего не сказал насчет выносливости Беляка, может, не успел, но Виктор с первой минуты решил полностью довериться воле и желанию коня: хочет держать галоп - пусть держит; перейдет на бег - пускай бежит; пойдет спокойным ходом - пусть идет. Кавалерийский опыт подсказывал, что, к его счастью, конь попался такой, который хитрить под седлом не умеет: отдает все, что у него есть, без всякого принуждения.

"Сокол, настоящий Сокол!" - с восхищением думал Виктор.

Когда-то его эскадронный конь чувствовал малейшее желание, даже настроение хозяина. Бывало, придет Виктор в конюшню на рассвете, невыспавшийся, утомленный, возьмет в руки скребок, и Сокол нагибает голову, подставляет ему шею, чтоб легче было расчесать густую гриву. На учениях конь никогда не ждал понуканий седока, а слушал общую команду взводного и выполнял ее точно. Зато на преодолении разных полигонных преград, когда надо было скакать через преграды и барьеры, Сокол будто срастался со своим седоком, чувствовал и понимал каждое его движение.

Беляк тоже будто знал, что Виктору побыстрее надо попасть в Бобровку, и не снижал галопа, разве что пошел ровнее, без рывков. А поводья свободные, шенкеля расслабленные, - Виктор только облегчал галоп, привстав на стременах и пригибаясь чуть ли не до самой гривы. И конь ощущал это умелое содействие и, довольный седоком, возможно, в эти минуты вспоминал свою настоящую кавалерийскую службу. А что был Беляк в кавалерии, Виктор понял сразу. Видимо, не раз летал скакун в самые опасные атаки, сшибал своими подкованными копытами врага, выносил своего хозяина-командира из огня и полымя, своим телом заслоняя его от пуль и осколков...

А если б командир упал от вражьей пули, остановился бы Беляк или побежал дальше с пустым седлом?.. Заметил бы, если бы Виктор вдруг вылетел из седла? Остановил бы свой галоп, оглянулся бы на хозяина или, может, сразу повернул бы домой, прибавив ходу?

Виктор тут же отклонил мимолетное сомнение. Даже стыдно стало за такие мысли. Стыдно перед конем! Если бы Беляк догадался о таком недоверии, наверно, обиделся бы, опустил бы свои острые уши, которые держит торчком, вперед, будто режет ими встречные волны воздуха.

Нет, этот скакун не может изменить хозяину, бросить его в беде. Виктору все больше и больше кажется, что он встретился с Соколом - своим верным другом по кавалерийской службе.

...Учения шли возле самой границы. Учения, приближенные к боевой обстановке. "Брали" опасные скрытые преграды. Сокол

умело и легко прошел всю дистанцию, выскочил на простор и расслабился, а тут еще один заслон с высоким кустарником и канавой за ним. Ни Сокол, ни Виктор об этом не знали в бою же тоже не будешь знать, что и где придется преодолевать. Сокол не рассчитал движения, споткнулся за канавой и упал... Виктор не успел вынуть из стремени левую ногу...

Сокол вскочил, рванулся вперед и вдруг остановился, почувствовав, что седока на спине нет. Вернулся к Виктору и стоял над ним, опустив голову, пока не подоспела помощь.

...Трещину в голени Виктора лечили в медсанбате. Проведать больного приходили товарищи по эскадрону, рассказывали, что Сокол каждое утро ржет, когда бойцы приходят в конюшню проводить чистку и уборку, ждет Виктора. На первых порах никого не подпускал к стойлу, не давал себя чистить. На повторных учениях не пошел на тот барьер, где случилось несчастье с Виктором. Обогнул преграду, и новый кавалерист не смог заставить его вернуться на повторную попытку.

Когда был снят гипс с голени, Виктору дали месячный отпуск. Только приехал домой, как началась война. Используя отпускные документы, помог жене эвакуироваться вот в это место, куда теперь мчит его Беляк...

А что сталось с его Соколом? Может, он уцелел, хотя ходили слухи, что их кавалерийский полк был разбит в первых боях на румынской границе. Конь мог уцелеть, а потом в другой части и кличку ему могли дать другую. Бывают на свете чудеса. Может, это и есть тот самый Сокол, изнемогший в артиллерии и попавший теперь в руки колхозного бригадира Семена? И ожил, вернулись к нему былые сила и красота? И, может, даже узнал своего бывшего хозяина...

...Дорога пошла густым лесом и, казалось, сузилась окончательно. Беляк перешел уже на спорый бег, его быстрый топот отдавался в сосняке недалеким, но гулким эхом. Над дорогой блестела звезда, кажется, та самая, которую видел Виктор, как только вошел в лес. Но теперь она поднялась выше и светила ярче... Своим мерцанием она показывала, что светить ей недолго и до самого зенита она не дотянет. Застигнутая еще далекой, но мощной властью первого солнечного луча, звезда исчезнет, будто утонет в ярком свете. Тогда над узкой, как лесная стежка, дорогою поднимется последняя четверть луны, она довольно быстро выходит из-за леса и с минуты на минуту начнет светить на дорогу. Луна, которая всходит поздно, рассвета не боится: бывает, что солнце уже высоко поднимется, а маленький светлый серпик плывет себе по небу медленно, беззаботно и вовсе не спешит исчезнуть. Плавает, но не светит.

Стремительный беспрерывный бег Беляка вдруг стал как бы тяжелее. Спина его качалась плавней, это Виктор чувствовал, поднимаясь на стременах, скорость уменьшилась: копыта коня утопали в чем-то мягком и, наверно, вязком.

"Неужели впереди болото? - насторожился Виктор. - Не хватало еще застрять в трясине".

Но все приметы показали, что болота тут быть не должно: на обочинах рос высокий сосняк, кое-где белели березы с густыми темными кронами. Однако дорога заросла - трава была коню по колено.

Чтобы не попасть в какую-нибудь трясину, а тем более - не сбиться с дороги (может, где и был какой-то знак, да не заметил на галопе), Виктор легонько натянул поводья, и Беляк сразу замедлил бег, только недовольно фыркнул и зазвенел удилами. Виктор успокаивающе похлопал его ладонью по вспотевшей шее, и конь остановился совсем. Спрыгнув с седла, всадник почувствовал под ногами песок. От частых дождей да еще, видимо, оттого, что тут никто не ездил, песок порос спорышем.

Догадка о том, что где-то он, наверно, пропустил объезд или параллельную дорогу, что теперешняя стежка, судя по всему, - заброшенная насыпная гребля, все больше подтверждалась. Виктор пошел по гребле пешком, чтоб лучше удостовериться, что это за дорога и куда она ведет. Беляк послушно шагал рядом, ласково терся головой о Викторов локоть, однако пофыркивал недовольно и настороженно. Виктор еще ничего не видел впереди, а конь, очевидно, уже видел, а может, чувствовал, что на дороге появилась неожиданная преграда.

Это был разобранный мостик через канаву: внизу стремительно текла, даже бурлила вода. Мостик окончательно сгнил и, наверно, давно, но с ремонтом почему-то не спешили. Этим летом, видимо, случилась какая-то беда, поэтому гнилые доски сняли, а три продольные перекладины оставили: две по бокам и одну посередине.

Виктор ступил одной ногой на среднюю перекладину - она покачнулась, тихо треснула. Самому, возможно, и можно было бы как-то перебраться на ту сторону: если не по этой перекладине, то по какой-нибудь из боковых. А как же с конем?

Беляк беспокойно остановился возле канавы, опустил голову, расширил ноздри, будто желая понюхать воду, а может, и напиться. Потом сильно захрапел и начал грести копытом влажный песок.

Виктор обнял его за морду, прижал к себе.

- Перепрыгнем, дружок! - сказал как человеку, как самому хорошему другу.

Мелькнуло нереальное желание, чтобы Беляк понял его слова. Будь это настоящий Сокол, то, наверное, не стал бы раздумывать перед таким пустячным препятствием. Та полигонная запруда, где Сокол, может, в первый раз в своей кавалерийской жизни споткнулся, была намного шире.

А этот Беляк, если он не Сокол, возможно, и не прыгал ни разу, не брал водных преград. Однако же где другой выход? Возвращаться назад и искать объездную дорогу? Сколько времени на это потребуется? И дорога та может пойти большим кругом.

Для окончательной уверенности Виктор прошел с конем к одному краю бывшего мостика, потом - к другому; с обоих боков ручей был расширен и, видимо, углублен. В свое время зажатая мостиком и греблей вода теперь нашла простор, вольно разлилась вширь, канава походила на небольшую тинистую речушку.

- Только так! - уже решительно сказал Виктор. - Другого выхода нет!

И когда проверил седельные подпруги и быстро вскочил в седло, почувствовал, что Беляк-Сокол понял намерение хозяина и был готов выполнить его приказ. Это передалось и через явное волнение коня, и через другие приметы его поведения, известные только опытному наезднику.

Поворот от мостика в противоположную сторону Беляк сделал сам, но Виктор понял, что конь повернул не от страха, а для необходимого разгона перед необычным, почти слепым прыжком. Виктор не подгонял коня и не натягивал поводья, будто всю назревшую задачу отдавал на решение самого скакуна, только старательно успокаивал его и подготавливал к решимости ласковым поглаживанием по крутой шее. И, уже выйдя на старт, Виктор приподнялся на стременах, подобрал поводья, дал шенкеля. Конь в напряжении задрожал, с места взял свободный, уверенный галоп и стал решительно ускорять его, приближаясь к водной преграде. Виктор понял, что коню не понадобятся никакие принуждения, даже чисто жокейская команда в последний момент. Только хорошее, умелое содействие в ритме и темпах движения.

Ручей был взят без особых усилий и даже без нарушения стремительности и слаженности галопа. Виктор ослабил шенкеля и приопустился в седле, давая этим разрешение скакуну сбавить галоп, а то и перейти на рысь. Но Беляк будто только из уважения к хозяину немного сбавил ход. Умеренно пофыркивая, будто выравнивая дыхание, старательно вытягивал шею и вытягивался сам, чтоб подальше выбросить жилистые ноги. Беляк-Сокол будто чувствовал, что его уважаемый хозяин очень спешит, и потому

старался наверстать потраченное на преодоление ручья время. С обеих сторон темной от зелени дороги быстро проплывали густые ольховые кусты, темные, чуть заметные силуэты деревьев. Порой попадались прогалины, и на них либо торчали пни на самой обочине, либо, уловив звезду, поблескивала вода, заросшая ряской. В таких местах на удивление дружно и весело квакали лягушки. Они не раздражали, не вызывали сонливости, а только напоминали о том, что еще глубокая ночь: перед рассветом лягушки затихают.

И больше нигде никакого голоса, никакого звука. Разве уже кончилась соловьиная пора? А может, промежуток такой, не соловьиный: до полуночи они свое отпели, а для предрассветной песни еще не пришла пора?

Ночная непривычная тишина настораживала. Невольно вспоминался тот страшный для Виктора час, когда однажды немцы неожиданно полезли через болото, угрожая гибелью его стрелковому взводу. И тогда так же громко и тревожно квакали лягушки.

Сильнее стал похрапывать Беляк-Сокол. Или это кажется в ночной тишине, или конь действительно приустал. Но стук его копыт не стихает и не редеет. Дорога стелется перед глазами узкой, едва различимой лентой. Но это Виктору. А Беляку, наверно, лучше видно, он ни разу не засомневался, не сбавил хода из-за какой-нибудь неровности или помехи на дороге. Как Сокол. Тот был самым надежным вожаком в эскадроне и в ночных переходах всегда шел впереди. Виктор не определял ему направления, если приходилось выбираться из чащобных лесистых мест и направляться на исходное место.

...В начале одной прогалины снова послышался собачий лай. Хриплый, по-волчьи протяжный. Ужас и тревогу должен бы вызвать такой лай, желание миновать его, дать большой круг. А Виктор прислушался и легонько пришпорил коня. Одолевало стремление быстрее увериться, хорошая это примета, желанная или просто случайная? Если это чуткий сторож из той лесничовки, которая должна была встретиться тут на дороге, то очень кстати. Пускай себе и хриплый собачий голос, похожий на волчий, но слушать его было приятно, так как одинокий придорожный хуторок ожидался давно, и порой уже возникала тревога, почему его все нет и нет. Неужели не та дорога выбрана?..

От лесничовки рукой подать до заветной Бобровки. Теперь это хорошо помнится Виктору, а когда первый раз шел, не знал, на каком отдалении стоит этот хуторок.

...В тот раз хозяйка придержала собаку, пригласила зайти во

двор. "Неужели та самая поджарая дворняга брешет теперь?" Виктор старался вспомнить, сравнить. Давно это было, чуть более трех лет назад. Тогда стоял жаркий день, дворняга лениво вылезла из просторной дощатой, похожей на сказочный теремок будки. В ней, наверно, было прохладнее, так как над острой крышей росла старая груша, развесистая и щедрая листвой, которую не пробивали не только лучи солнца, но и спорые капли дождя.

Хозяйка была рада военному человеку, своему, не чужаку, не оккупанту, который еще недавно мог свалиться сюда. Подставила немного испачканный курами табурет, предложила кислого березовика. Но не было времени сидеть, хоть и ныли ноги от быстрой ходьбы. Надежда была только на свои ноги, никакого шанса на какой-нибудь транспорт в этих местах не могло быть и тогда.

...Шел второй месяц войны. Старшему сержанту Вихореву было поручено вести роту новобранцев в запасной полк под Саратов. Рота была в составе батальона из штатских разных возрастов и званий. Командиром батальона назначили также штатского, но, видимо, с каким-то запасным комсоставским званием. У него-то и отпросился Виктор навестить жену, когда батальон остановился в Анне, где должен был пополниться новыми запасниками.

"...У нас будет сынок..." - ласково и тревожно прошептала жена во время того посещения.

- Ты уверена, что сынок? - В голосе Виктора еще больше тревоги, но радость и возбуждение затмевают ее. Ему не хочется думать о том, как жена будет растить сына в одиночестве, вдали от родного дома, от близких людей. И спрашивать об этом не хочется.

- Боишься, что не сумею вырастить? - Галя заговорила об этом сама. - Не волнуйся!.. Не тревожься! Не думай, что я такая слабенькая. - Она обняла Виктора за шею, прижалась губами к уху.

Виктор ощутил нежную теплоту ее губ, ласку уже загрубевших от полевых работ рук и с гордостью подумал: "Нет, мое солнышко, ты у меня не слабенькая. Это я знал и раньше, но окончательно убедился во время эвакуации, когда нам приходилось ночевать в чистом поле под бомбами, когда ты во время пожара в одной деревне кинулась в огонь, чтобы спасти детей".

- Буду растить сына и ждать тебя, - шептала Галя. - Вдвоем будем ждать! Только ты, милый, не забывай нас...

Потом она стала беспокоиться, как он вернется пешком назад

в Анну. Туда больше тридцати километров.

- Может, я схожу к председателю, попрошу подводу?

- Не надо, что ты! У людей уборка!

- Вот если бы теперь тебе того Сокола, про которого ты рассказывал в дороге. А до войны и в письмах о нем писал. Я и сейчас представляю его, хотя, конечно, никогда не видела.

Виктор ласково улыбнулся:

- Фантазерка ты у меня.

- Почему?.. А может, и остался Сокол? Ты же не знаешь.

Провела пальцами по его синим петлицам.

- Гимнастерка та самая, кавалерийская... И сапоги как на той фотографии, что как-то прислал со шпорами!

- Шпор нет, а сапоги те самые...

Проводила Галя мужа почти до самой вот этой лесничовки. Они остановились, когда послышался настороженный собачий лай. Назад шла чуть ли не до самой темноты: удивлялась, как легко и незаметно шла рядом с Виктором и как не идут ноги, как медленно тянется время на обратном пути.

В свою комнатушку с одним окном заходить не хотелось, сердце сжималось от сознания, что Виктора там уже нет и неизвестно, когда он будет... А может, и совсем не будет...

...Усталая и истомленная разлукой, свалилась на тот самый диван возле печи, где недавно сидела с Виктором. Представилось, что еще не остыло его тепло, слышится его дыхание... Уже стемнело, оконце, выходившее в сад, выделялось на белой стене неподвижным черным квадратом. И не хотелось зажигать лампу, а потом завешивать это единственное оконце и сидеть одной, как в погребе, не видеть даже того света, что еще сохранился в маленьком приусадебном садике. Главное же, исчезнет тогда представление, что Виктор еще тут, что, возможно, стоит возле окошка и вслушивается, откуда доносится тяжелый и зловещий гул вражеских самолетов да время от времени долетает эхо мощных взрывов.

"Снова Хреновое бомбят", - подумала тогда Галя...

...До Саратова добрались чуть ли не с первыми заморозками: Виктор и теперь не понимает, кто мог разрешить в то время так долго вести пополнение. Скорее всего это была одна из тех неувязок, которые часто случались в первые месяцы войны: батальон сформировали, а потом, видимо, забыли о нем. Это была не то воинская часть, не то обозно-гражданская. Никаких аттестатов на обеспечение, ни прав на заготовку продуктов батальон не имел. Держались в дороге только тем народным патриотизмом, который неизменно ощущался всюду. Приходили в колхоз, размещались по хатам, и командир батальона шел к

председателю колхоза, писал ему разные требования и расписки на получение продуктов. А если же случалось, что председатель колхоза колебался, то за дело брался Виктор - являлся в военной форме, вынимал из планшетки, которую приобрел еще на довоенной службе, документы старшего сержанта - и все становилось на свои места.

В Анне батальон задержался на лишние сутки, потому что надо было организовать выпечку хлеба. Это был самый обидный момент для Виктора: если бы знал, что выйдет задержка, то побыл бы еще дома, с Галей.

Печеный хлеб несли с собой. Когда съедалось все - организовывали новую выпечку. Направлялись будто бы самым коротким путем, а порой выходило, что одолевали за день какой-то десяток километров.

Этот поход всегда вспоминал Виктор с болью в душе. Сама фронтовая служба позднейшего времени не представлялась такой нескладной. Почему бы не подать полэшелона и не доставить запасников на место за один-два дня?

Командир батальона сначала и слушать об этом не хотел, и тут нетрудно было его понять: на фронте вряд ли нашлась бы для него такая служба. А тут он будто бы и при своих воинских обязанностях, и опасности для жизни никакой, и власть над людьми все-таки имеет. До этого назначения у него был только один подчиненный - инкассатор сберегательной кассы, а тут вон сколько людей.

Позднее, когда значительная часть запасников, а с ними и Виктор стали решительно протестовать - люди воюют, а мы тут побираемся по деревням, командир разрешил Вихореву зайти в один недалекий от их маршрута военкомат. Там сержанта выслушали будто бы и с сочувствием, но навстречу не пошли: все вагоны отсюда, если их удается выбить, отправляются на фронт, а не в тыл. Так что - топайте, братцы, не жалейте лаптей, пока вами не пополнили какую-нибудь встречную маршевую часть.

На одной промежуточной станции Вихорев дознался, что небольшой группе людей можно втиснуться в маршрутный эшелон. Подал просьбу - двинуться таким образом с группой наиболее активных новобранцев своей роты до места назначения и оттуда помочь всему батальону: может, даже выслать навстречу транспорт, поскольку известно было, что при запасном полку формируется отдельный автобатальон.

Комбат сначала кричал, возмущался, а потом стал просить Вихорева не бросать его.

- Пропаду я без тебя, - чуть не плача, жаловался он. - Люди разбегутся, - тогда меня под суд отдадут. И не просто под суд, а

под трибунал...

И действительно, удивлялся Виктор, вспоминая теперь, - за всю дорогу ни один человек не сбежал из батальона. А было же - вольному воля: никто ни за кем не следил, в некоторых подразделениях даже и переклички не делалось, так как командовали ими такие же отставные добряки, как и этот временный комбат. Где-то на третьем месяце похода многие запасники вконец обносились, построение порой задерживалось на целый час, потому что люди латали свою одежду, ремонтировали обувь. Первое время в таких случаях комбат бегал по хатам, волновался, накидывался с руганью на командиров подразделений. А потом свыкся с обстоятельствами и притих. Запасники трогались с места, когда часть Вихорева была уже далеко. По ее следу медленно ковыляли остальные запасники. Комбат, в хорошей бурке, добытой в одном колхозе, ехал на обозной фурманке, которая везла припасенный хлеб и колхозную муку для новой выпечки.

Из-под Саратова их отправили под Воронеж. Оттуда - под Барвенково!.. Ближний свет! Однако удивляться было нечему. Автобатальону, в который Виктор попал случайно, иногда приходилось делать большие марши. Даже по двое суток. Как правило, на запад - обстоятельства к этому вынуждали - подвигались медленно. А вот назад газовали на самых больших скоростях. И через Дон перекатились почти с лету. Остановились в Вешенской.

Виктору пришлось спасаться от вражеской шрапнели за домиком Шолохова. Голубым, одноэтажным, огороженным частоколом, тоже голубым. Хотелось хоть глянуть на то место, о котором знал весь мир. Подбежали вдвоем со штабным писарем, пожилым человеком, большим поклонником творчества Шолохова, а тут снова налет. Упали там, где стояли. С летящих контейнеров зловещим градом сыпались разрывные бомбы. Одна из них оглушительно треснула возле самого Вихорева. Противно зазвенело в ушах, в нос резануло острым запахом серы. Сознание болезненно сверлил вопрос: конец или еще нет? Может, пронесло и на этот раз?

Не впервые возникал такой вопрос. Разрешался он просто: коль способен думать, значит, жив, разве только ранен или контужен.

Спустя какое-то время пришла уверенность, что жив. Надо было немедленно искать более надежное убежище. Вражеские самолеты ушли на новый заход, а на прицеле у них, скорее всего, домик Шолохова.

С трудом раскрыв запорошенные пылью глаза, увидел

побитый осколками голубой частокол. Он будто мелькал, дрожал перед глазами. Виктор тронул соседа:

- Бежим, тут неподалеку ров.

Сосед не ответил, даже не шевельнулся.

- Слышишь? Бежим!..

Самолеты действительно шли вторым кругом, а сосед не двигался и не подавал голоса. Не обращая внимания на взрывы, будто не слыша их, Вихорев начал тормошить соседа, ощупывать его. Почувствовал на своей руке теплую кровь...

До проезжей дороги нес писаря на руках. Ухом и грудью слышал, что он еще жив, но потерял речь: видимо, не только ранен в грудь, но и контужен.

Стоял на дороге и держал на руках обмякшее, бесчувственное тело. Машины, нагруженные ранеными, шли мимо Виктора, не останавливаясь. Некоторые из шоферов сочувственно кивали головами.

Наконец один грузовик остановился, из кабины выглянул старшина с медицинскими эмблемами на петлицах.

- А ну, давай его сюда! - приказал сурово. Взялся за опущенную чуть ли не до самой земли руку раненого. - Да он уже готов! Слышишь? Чего держишь на руках? Похорони где-нибудь тут, если можешь.

Ночью оставили Вешенскую. По пути к Сталинграду несколько раз останавливались, пробивались вперед, возвращались назад, потом снова рвались вперед. Задача была ясной - доставляли частям боеприпасы. Вихореву сверх его штабных обязанностей передали сейф с партийными документами, за который отвечал убитый пожилой писарь.

Там же, под Сталинградом, он попал на краткосрочные лейтенантские курсы.

Учились урывками, а больше стояли в обороне. Виктору иногда казалось, что эта наука ему не очень и нужна. Рядом с ним, уже имевшим гуманитарное образование, учились деревенские парни после семилетки. Они знакомились с трофейным оружием, стреляли из пулеметов и пистолетов, которые еще ни разу не держали в руках. Виктору это было не в новинку, он пользовался уже всяким оружием. И не так давно в кавалерийской полковой школе на соревнованиях по стрельбе занимал первые места.

Один раз пришлось отдежурить возле станкового пулемета целую ночь. Глаза начали слипаться на рассвете. После смены лег в блиндаже и почувствовал, что встать едва ли сможет...

Врач санчасти долго мерил температуру, слушал грудь через трубку, а потом старательно протирал спиртом руки...

- Сколько вам осталось до окончания курсов?

- Точно не знаю, но думаю, что очень мало.

- Жаль, жаль... - задумчиво промолвил врач. И опять долго молчал, сочувственно поглядывая на Виктора. - Придется прервать учебу и направить вас в Камышин.

- Куда?

- В госпиталь.

- Я тут подлечусь!

- Нет, это невозможно!

В Камышине Вихорев узнал, что у него сыпной тиф. Через несколько дней наступило почти полное отключение от всего света: сознание окутала тьма. Виктор не помнил, что с ним было. Из того тяжелого периода вспоминается только один жгучий укол, после которого что-то холодное и липкое потекло по лицу. И послышался далекий, будто из-под земли голос, не то мужской, не то женский:

- Тяжелая форма... Очень тяжелая!..

Когда в первый раз открыл глаза, в палату принесли фронтовую газету. Мелькнул заголовок перед глазами... Чувствовалось, что сообщается о чем-то важном, но буквы запрыгали, замелькали, потом совсем исчезли в тумане.

- Вам прочитать, товарищ лейтенант?

Голос был ласковый, сочувственный и вроде бы даже знакомый. Смутно представилась та ласковая, чуткая женщина, что делала ему уколы и прикладывала ко лбу холодные компрессы в первые дни пребывания в госпитале. Да вот же она, будто стоит совсем рядом... А может, сидит на белом табурете... Но он не видел ее, совсем не видел за густым темным занавесом.

- Пожалуйста! - слабо попросил Виктор.

- Разгром гитлеровских войск под Сталинградом! - громко произнесла женщина. - Слышите? Победа. Огромная победа! Взяты в плен Паулюс и весь его штаб!

Женщина будто читала по писаному, но газета была в руках у Виктора, он ощущал ее пальцами. Заголовок снова начал всплывать перед глазами, но не хватало сил даже пошевелиться, поднять руку с газетой. Хотелось попросить женщину, чтобы прочитала или пересказала еще раз то, что он услышал. Радость заполнила душу. И одновременно горечь, что это произошло без него. Тиф оторвал от фронта и чуть не спровадил на тот свет. А может, спас от того света?.. Мелькнуло острое, нестерпимое желание узнать про однополчан, товарищей по окопам. Но кто и что скажет об этом, кто о них знает?..

Женщина почему-то снова назвала его - "лейтенант". Оговорилась или с кем-то перепутала? Но последовало ее же

предположение:

- У вас, наверно, сын родился?

- Откуда вы знаете?

Темный туман на миг рассеялся перед глазами: Виктор отчетливо увидел газетный заголовок... Увидел, что возле койки действительно сидит на белом табурете медсестра.

- Откуда вы знаете о сыне?

- Вы говорили о нем в бреду, во сне...

Действительно, по времени у него уже мог родиться сын. Галя шептала об этом, прижав горячие губы к его уху... Это было, когда он первый раз заехал в Бобровку. В комнате никого постороннего не было, однако Галя почему-то шептала... Потом все время помнился этот шепот, а во время бреда он, наверное, повторялся.

- Вы напишите письмо домой, - предложила медсестра. - Если та местность не оккупирована.

- Не должно бы!.. Не может быть!

- Скажите адрес, а я проверю. - Медсестра наклонилась к нему. - Могу и письмо написать, пока вам еще трудно. Ведь у вас же сын. Какое счастье!

Женщина говорит вслух, а Виктору кажется, что она шепчет на ухо, как некогда Галя. Он жадно вглядывается в медсестру, будто стараясь что-то прочесть на ее лице, что-то выяснить или сравнить. Замечает только, что она старше Гали и халат у нее надет на теплый бушлат. А в палате вроде бы и не холодно. Разве что в коридоре?..

Впервые окидывает взглядом палату, будто сквозь сон вспоминает ту, куда его положили, когда привезли из-под Сталинграда. Есть что-то похожее, однако и разница немалая: там койки стояли в два ряда, а узкий коридорчик проходил посреди комнаты, и когда врач обращался к одному больному, то поворачивался спиной к другому. Тут койки в один ряд, и от двери вдоль стены остается пространство: врачу тесниться не приходится. Но окна небольшие, и скучный полумрак устойчиво стоит у стен и в углах.

- Почему меня перенесли? - едва слышно спрашивает Виктор, настороженно глядя на сестру. - Это палата смертников?

- Ну что вы? - возмущается медсестра. - Тут офицеры лежат.

- Я не офицер, а младший комсостав.

- Вы уже офицер, - сообщает сестра, видимо, только теперь догадавшись, что Виктор не знает об этом, что в то время, когда пришел сюда приказ о присвоении звания, он был в глубоком беспамятстве.

Вошел врач. Голос у него бодрый, торжественный:

- С победой вас, товарищи офицеры! С большой победой под

Сталинградом!

И подошел к Виктору...

Вихореву хотелось поблагодарить врача за поздравление, за те добрые слова, что у каждого теперь в душе... Радовало ощущение, что имеет право на это, так как обращение врача относилось и к нему. Но голос совсем пропал, рот и всю гортань затянула противная и безнадежная сухость.

- Идем на поправку! - уверенно говорит врач, сжимая пальцами Викторову руку с синими жилами. - Теперь для вас единственное: питание и отдых... Отдых и питание.

И что-то прошептал сестре.

Виктор глянул на свою руку. Рядом с рукой врача она показалась похожей на ту, что приходилось видеть у мертвецов: желтой и сухой.

"Неужели и ноги такие?"

- Питание и отдых! - еще раз повторил врач.

"Какое питание? Есть совсем не хочется, только жажда одолевает... Сколько же надо того питания и отдыха, чтобы руки стали как у людей?.. А ребята на фронте!.. Друзья и однополчане!.. И гонят, гонят они врага из-под Сталинграда..."

Сестра сразу после того, как врач прошептал ей что-то на ухо, вышла. Вскоре вернулась и поднесла к губам Виктора открытую бутылочку, круглую, с длинным горлышком, вроде четвертинки.

- Глотните, и вам полегчает.

- Что это?

- Лекарство. Глотните!

Почувствовал, как в рот полилось что-то приятное, пахучее, сладкое. Сухость исчезла, захотелось даже сказать что-нибудь, чтоб проверить голос. Сестра услышала его "спасибо", кивнула. Так, глядишь, скоро руки и ноги начнут шевелиться, а потом и действовать, жизнь вернется и еще можно будет повоевать, догнать врага, может, уже на его территории...

И еще такая радость: сын родился! А вдруг от Гали есть письмо? Конечно же нет. Но живет такая надежда, и от нее все больше и больше теплеет на душе. Не погибла жизнь и не погибнет, если есть сын!..

Захотелось еще глотнуть того животворного напитка, который приносила сестра. Где же бутылочка? Не видно. Наверно, в тумбочку поставила: оттуда самому не достать. А попросить неловко... Видимо, это очень полезное лекарство... Запах его так и плывет над кроватью... А может, и по всей палате. И всем, кто тут лежит, хочется попробовать этого лекарства. Да, наверно, его не хватает.

Чем оно пахнет, таким близким, будто знакомым с самого

детства? Долго не приходила желанная отгадка, порой маячила вблизи и снова отдалялась, словно кто-то испытывал его терпение. И вдруг запах стал родным и близким, стоило ему мысленно перенестись в небольшую деревеньку на Старобинщине, где прошло детство. Огородик с малиной, красной смородиной, крупные гроздья которой спускались до самой земли, а иногда и лежали прямо на траве, с двумя кустами крыжовника и одним - черной смородины. Старым был тот куст и малоурожайным, но разросся не в меру, занимал чуть ли не пол-огородика. Однажды отец подошел к нему со старой щербатой лопатой, но мать увидела, заслонила собой куст и начала упрашивать:

- Не трогай! Жалко! Такой хороший куст!..

- Так не родит же, впустую соки тянет. А если что и вырастет, то вкуса нет и запах неприятный.

- Вот попробуем в этом году, - настаивала мать. - Пусть поспеют ягоды, я тогда сама придумаю, что с ними сделать: может, варенье сварю или в бутыль засыплю с сахаром.

И засыпала. Зимой давала детям от кашля. Сок был такой вкусный, ароматный, что Виктор даже закрывал глаза от удовольствия, когда дотрагивался губами до деревянной ложки с густым вишневого цвета настоем. Ложку держала мать, чтоб случайно не разлилась животворная жидкость.

После таких лечений мать сама облизывала ложку. Она не решалась еще раз наклонить бутыль, налить для себя: пусть подольше сохраняется лекарство, чтобы хватило на всю зиму, да и на весь год, до новых ягод.

Теперь Виктору эту бутылочку надо беречь: сестра шепнула, что выпросила лекарство только для него, как для самого слабого больного. А так хотелось выпить бутылочку всю сразу! Тогда, наверно, жажда прошла бы и сил прибавилось. А если по такой бутылочке да каждый день! Он скоро смог бы сделать то, о чем тоскует душа: догнать свой батальон, боевых друзей, победивших под Сталинградом. Только бы они остались живы! Где он догонит их? Скорее всего уже не на своей земле, а где-то под Берлином. Но догнать надо, в этом смысл снова обретенной им жизни!..

Неожиданно для себя Виктор уснул, и перед его глазами возникла материнская бутыль с соком. Нетронутая, не выпитая наполовину, а полная, аккуратно обвязанная белой, местами подкрашенной ягодным соком, тряпицей.

- Возьми, сынок! - ласково просит мать. - Всю бутыль возьми. Выпьешь, поправишься...

"Где она теперь, моя матулька? - тревожно думает Виктор, проснувшись. Как живет, если спаслась от врагов? Там ли тоскует,

где свой век прожила, или оторвало от родной земельки, занесло куда-то лихолетье?.."

Родной угол с березовой рощицей неподалеку, с тополем над часовенкой в одном конце улицы и старой ветряной мельницей - в другом. Разве забудется то счастье, когда удавалось отбить у немцев хоть одну такую деревеньку. И там мельница-ветряк без крыльев, со сквозными пробоинами в почерневшей обшивке... Вокруг - осколки жерновов. Они еще белые от муки. Они еще пахнут мукой... Попадалась иногда мельница и с крыльями, вконец изрешеченными пулеметными очередями...

Вспоминаются березовые рощицы, под корень спиленные оккупантами. В одних местах такие рощицы были при кладбищах, в других на самом кладбище. Пеньки стояли между могильных холмиков. Свежие пеньки, еще розоватые сверху и влажные от сока, как молодые щеки от слез.

В одном месте нашли целые штабеля спиленных и нескоренных берез. Из ровных белых стволов немцы делали кресты для своих могил. Эти могилы заняли весь ближайший пригорок, и чуть ли не на каждом кресте сидела ворона и отчаянно каркала, будто отпевала оккупантов. Березовые кресты на вражеских могилах были неживыми, не слезились соком на распиленных или подрубленных местах.

Не забудется Виктору и та роща, где над белыми крестами с желтыми холмиками стояла могучая береза, обрубленная до самой верхушки. На могильные кресты пошли ее длинные толстые сучья, а само дерево стояло и грустно пошумливало остатками ветвей над вражьими могилами. Неподвижный ворон сидел на самой верхушке этой березы, будто следил сверху, выжидал чего-то... Подойдя ближе, Вихорев наставил на него дуло автомата, но ворон как бы не заметил его, не понял, что это такое. Помедлив, нехотя расправил крылья и шухнул вниз, а потом медленно поднялся выше и перелетел на вражеские могилы, сел на крест рядом.

С Вихоревым - связной и санинструктор. Втроем направились к березе: еще издали заметили, что под нею кто-то неподвижно стоит. Кто может там стоять, когда вокруг ни живой души? Ближайшая деревня сожжена до последнего бревна, даже колодезные журавли обуглились, а некоторые и вовсе сгорели и черными головешками попадали в колодец или рядом с ним.

Была тихая ранняя весна. Береза только начинала развешивать свои сережки, раскрывать листья и потому издали казалась серой и почти голой. Человек, стоявший у ствола, не мог спрятаться под нею ни от дождя, ни от солнца.

Санинструктор, низкорослый здоровяк с нашивками

старшины, смелый разведчик, побежал к березе первым. Оттуда громко закричал, замахал руками, подзывая остальных скорее подойти. Вихорев и связной побежали.

К березе была привязана женщина: длинные веревочные вожжи, влажные от ночного тумана, в нескольких местах перехватывали ее тело, а сверху два конца были замотаны на шее и толстым узлом завязаны на стволе березы. На ветке перед глазами женщины висела почерневшая дощечка от какой-то обгоревшей кадушки - потому ее лица не было видно. На дощечке надпись: "Бандитка".

Виктор сорвал эту дощечку. Подстриженные, со следами давней завивки волосы обвисли, падали прядями на посиневшие уши и щеки. Казалось, прямо в душу смотрели заплаканные, остекленевшие глаза.

- Она уже несколько дней тут, - с горечью сказал санинструктор. - Вот людоеды фашистские!

- Давайте похороним ее! - сказал Вихорев. - Под этой самой березой.

Солдатскими лопатками выкопали могилу, отвязали женщину, взяли на руки окостеневшее тело и осторожно опустили в могилу. Когда насыпали желтый холмик, санинструктор поднял с земли обгоревшую дощечку, соскоблил с нее надпись карателей и задумался.

- Как же ее звали?.. - Его недоуменный взгляд остановился на Вихореве. - И узнать не у кого...

Ничего не мог сказать и Виктор. Тогда санинструктор разыскал в своей полевой сумке огрызок химического карандаша, смочил белую сторону дощечки березовым соком, который сочился из свежих ран после недавно срубленных веток, прижался к тихой, печальной, будто плачущей от жалости березе и написал: "Твоя смерть - твое бессмертие!" Положил дощечку на два камня на могиле и закрепил ее сверху третьим.

С грустью покидали могилу под березой. Виктор с тоской и болью думал, что почти не представляет лица этой женщины: сначала дощечка закрывала его, а потом невольно отводил глаза в сторону, потому что невыносимо тяжело было смотреть на синее, искаженное от боли и мук пятно, что когда-то было женским лицом. Даже возраста мученицы нельзя было определить.

Остро и жгуче кольнуло в сердце: "А может, это родная сестра?.. Фигурой женщина напоминала старшую сестру, учительницу, работавшую в недалекой отсюда сельской школе... Ведь такое могло случиться и с ней?.."

Часто мучают теперь его страшные мысли. Одна осталась

мать в деревенской хате, со всех сторон окутанной зеленью садовых деревьев и кустами ягод. Младший брат - студент - вряд ли успел добраться домой из Минска... Его, скорее всего, мобилизовали по пути, хотя по годам еще не подошло время идти в армию.

Мать ждет сыновей, если сама жива... Если бы дошли до нее вести о победе под Сталинградом, ей легче стало бы ждать...

Голос палатной сестры перебил горестные воспоминания:

- А почему вы в горячке все какого-то Сокола звали? То сына, то Сокола. И порой так громко, что все в палате просыпались.

Неужели такое могло быть в тифозном бреду? Наверно, могло. Как только наступало очень трудное время на фронте и жизнь висела на волоске, вспоминался белый Сокол. Появлялась шальная надежда, что он вдруг явится и спасет, вынесет из-под огня - хоть раненого, хоть чуть живого. Пусть даже и неживого, только бы не оставил врагу. А мысли о сыне, который должен родиться или уже родился, укрепляли веру в счастливый исход. Не может отец погибнуть, совсем исчезнуть, если у него есть сын... Если родился и растет наследник, который ждет своего отца и верит, что отец вернется с победой...

Так думалось тогда в госпитале. Но и впоследствии белый Сокол, как в чудесной сказке, появлялся в памяти. И прибывало решительности, крепли силы, когда порой они были уже почти на исходе.

...Не догнал Виктор своих однополчан после выписки из госпиталя, не двинулся сразу под Берлин, как мечтал, лежа на госпитальной койке, а с маршевой ротой, сформированной в запасном полку, оказался под Понырями, его взвод занял оборону на самом переднем участке Курской дуги. Сокол снился ему в часы ночного отдыха в двухнакатном блиндаже с земляными нарами, застланными травой с сухим пахучим чебрецом. Такие спокойные ночи, редкие в военное лихолетье, тянулись одна за другой долго. Укрепления на рубеже обороны были уже давно закончены, окопы и пулеметные гнезда замаскированы так надежно, что даже самому трудно было заметить их, если идти открытым полем. Проверив посты, можно было и отдохнуть. Постепенно спадала тревожная настороженность, и порой подкрадывалась утешительная мысль, что, может, и не будет вражеского наступления на этом участке. А может, и нигде не будет: враг испугается наших "катюш", как уже не раз было, и отступит без боя.

Когда громыхнула первая бомба возле самого блиндажа, Вихорев спал на пахучем чебреце. Вскочил, выбежал в траншею. Охватила тревога, что вражеские самолеты заметили взводный

блиндаж. А между тем сам командир полка в свое время сказал, что лучшей маскировки, чем у них, ни у кого нет. В тот момент снова вспомнился белый Сокол, но не в роли спасителя. Бомб кони боятся - это Виктор помнил еще с первых боев. От бомб кони гибнут... И от снарядов гибнут, спасаться не умеют...

Не думалось о Соколе как спасителе и в те страшные моменты, когда на их траншеи лезли вражеские танки... Разве только необыкновенным чудом мог появиться тут Сокол, как символ победы. Танковую атаку отбивали уже не бутылками с горючей жидкостью, а связками гранат. Вихорева засыпало землей от взрыва снаряда на бруствере. На какое-то мгновение мелькнула мысль о той могиле, которую когда-то сам копал под обрубленной березой... А потом над ухом послышалось поскребывание солдатской лопатки и будто далекий, но отчетливый детский плач. И уверенность ясная и реальная - это сын плачет!.. Требует во что бы то ни стало выбраться из-под земли...

...Осколком ранило правое плечо. Вихорев умел стрелять и с левого плеча. И гранаты бросать на близкое расстояние наловчился левой рукой.

Под натиском вражеских танков пришлось отступить запасными ходами сообщения к полевой дороге за обороной роты. По взводной, ротной, а может, и батальонной обороне начала уже бить наша артиллерия, чтобы остановить вражескую атаку. Дорога за ротной обороной не была перекопана. Тут в тупике траншеи собралось несколько бойцов и молоденький лейтенант без пилотки, с парабеллумом в руке. Когда он хоть на миг поднимал над бруствером голову и легкий летний ветерок обдувал его светлые, запыленные волосы, с дороги начинал бить пулемет, и комки земли с бруствера засыпали юноше глаза. После нескольких таких попыток он взвел парабеллум и приставил дуло к виску. Неподалеку с группой своих бойцов стоял Вихорев. В последний момент он выбил парабеллум из дрожащей руки лейтенанта.

- Слушать мою команду! За мной! - крикнул Виктор, решительно оглядел всех бойцов и кинулся на дорогу. Пополз быстро, почти незаметно, а главное неожиданно для вражеского пулеметчика. И когда Виктор очутился за дорогою, в густой полыни и засохших зарослях лебеды, вдруг почудилось ему призывное ржание белого Сокола. Рванулся вперед, твердо веря в спасение. Пулемет уже сек по дороге, пули скашивали полынь и лебеду. Вскоре услышал, что за ним кто-то ползет, прямо гонится, однако не подумал, что это мог быть враг. Наверно, ребята из взвода, а может, и все те, кто были в траншее.

Белый Сокол снова и снова подавал голос. В отдельные моменты представлялось, что он уже совсем близко, как в прошлые времена, что скоро примчится сюда, успеет на выручку, на помощь, вынесет из-под вражеского огня.

Подсохшая полынь шелестит, потрескивает от пуль. А когда затихает пулеметная очередь, Вихореву снова кажется, что кто-то очень упорно догоняет его. Догоняет не бегом, а ползком. Значит, не враг. Наверно, скоро догонит. Виктору трудно ползти, совсем не действует правая рука, и сильно ноет плечо.

...Впереди - необъятность чистого степного поля. Это Виктор скорее чувствует, чем видит. Вглядывается в даль, а что-нибудь приметить или отличить нет никакой возможности: глаза заливает пот, на веках липнет каждая соринка. После, когда выпал удобный момент, провел по глазам рукавом, вытер пот и огляделся. Неподалеку заметил свежий чернозем от воронки. Появилась надежда на спасение. Если это действительно воронка, то первая задача добраться до нее.

Тот, кто шустро, по-пластунски догонял Виктора, вдруг поднялся и, полусогнувшись, побежал, припал рядом, чуть не наступив на раненую руку. Пулеметная очередь хлестнула по зарослям, сбоку от Виктора скосила куст лебеды и сыпанула пылью в глаза. Стук сапог впереди прекратился.

Когда Виктор снова протер глаза, то уже никого перед собою не увидел, но обрадовался: воронка была совсем близко. Хотел и сам подняться, чтоб одним броском оказаться в спасительной яме, но вдруг так сильно закололо в плече, что даже ползти дальше не смог. Остановился, отдышался, стараясь не думать о ране и боясь тронуть ее левой рукой, чтоб не нащупать крови. Дотянуть бы до воронки...

В свежую черноземную насыпь уперся головой. Туго, до самых ушей натянута пилотка... Воротник гимнастерки расстегнут с того момента, когда делали временную перевязку, - нагретая солнцем земля посыпалась на шею... В воронку скатился как бы с разгона, под действием слабой инерции. Больным плечом наткнулся на что-то твердое и неподвижное: оно мешало опуститься на дно воронки. Раскрыв глаза, увидел, что лежит лицом к лицу с тем юным лейтенантом, от которого только что отвел смерть в траншее. Юноша подвинулся, освободив Виктору место.

- Это вы? - через некоторое время прошептал он и еще немного потеснился. - У вас кровь.

Виктору прежде всего подумалось о том, что, пожалуй, ничего нет хуже, как вымазаться в крови самому и испачкать соседа.

- Жаль, медпакета нет, - снова зашептал юноша, - я перевязал бы.

Почти не веря своим глазам, Виктор заметил, что у юноши не только пакета, но и вообще ничего нет, что положено командиру. Гимнастерка, не перетянутая ремнем, задралась чуть ли не до самых подмышек. Планшетка раньше висела у него на животе - это запомнилось Виктору. Теперь не было и планшетки. А там же, наверно, и документы какие-то, и что-нибудь личное...

- Благодарю вас, - чуть слышно выдохнул юноша.

Виктор не поднимал глаз, чтоб не оглядывать парня дальше: может, и погон у него уже нет. Тяжело дыша в землю, спросил:

- За что?

- За смелость! Я за вами кинулся под огонь.

Виктор молчал. Не рассчитывая на постороннюю помощь, он угнетенно предугадывал свою дальнейшую судьбу: если ничего не случится до сумерек и он не истечет кровью, то вечером можно будет выбраться из этой воронки и в полный рост направиться в тыл на поиски медсанбата. Видимо, такую же надежду питал и сосед по воронке, он все время беспокойно поднимал голову и поглядывал в ту сторону, где еще недавно были наши позиции.

- Они сюда не должны?.. Правда, как вы думаете?

- Не должны, - согласился Виктор. - Наша артиллерия бьет. Слышите?

- Вот если бы "катюшу", хоть одну! - тяжело вздохнул юноша. - И где теперь наши "катюши"?

В воронке пахло сырой землей и горелой серой, похоже, бомба тут разорвалась недавно. Виктор прижался спиною к сыпучей стенке и присыпал землею раненое плечо. "Земля тоже лечит", - вспомнились ему слова, когда-то слышанные от покойного отца. Какое тут лечение, хоть остановить кровь - и то было бы большой помощью. Мучила жажда, до дурноты ныло и жгло в плече, да и во всей спине, усталость накатывалась неодолимо, и так хотелось закрыть хоть на минуту глаза. Виктор и сам не заметил, как заснул.

- А если начнут бить сюда из минометов? - спросил сосед. - Что тогда?

Но Виктор уже не слышал этих слов. Может, и еще что-то говорил парень, ждал совета или даже приказа от старшего по званию. Виктор лежал тихо и неподвижно, даже взрывы совсем рядом не разбудили бы его, если бы юноша вдруг не закричал от радости:

- Вот вам, черти!.. Вот вам!

Начали бить "катюши". Снаряды рвались на тех позициях, которые только что пришлось покинуть. С той стороны весь

небосвод застилало густым серым дымом, перемешанным с сухим черноземом. Сразу же заглох вражеский пулемет, установленный на полевой дороге, утихли грохот и лязганье "тигров" и "пантер", которые еще минуту назад утюжили наши окопы.

"А как же они?.." - вдруг подумал Виктор. Встала перед глазами траншейка перед дорогой, и в ней наши бойцы... Большинство из них - раненые. Им было разрешено пробираться в тыл, но вражеский пулемет на дороге заслонил отступление. У всех ли хватило силы и отваги, вот как у этого юноши, сделать последнюю попытку спасения - кинуться в огонь? А может, некоторые и остались в той траншее?.. Кто сообщит об этом нашим наводчикам? Кто вообще знает об этом?..

Залпы вдруг громыхнули ближе. Осколки со свистом и горячим шипеньем пролетели над воронкой. Юноша прижался к земле, испуганно затих.

- Что это? - прошептал с тревогой и отчаянием.

Не успел Виктор что-нибудь сказать, как залп повторился, и свои снаряды разорвались уже совсем близко от воронки. Юноша зажал уши, потом неуверенным движением стал засыпать себя землей.

"Ничего это не поможет", - хотел было сказать Виктор. И вдруг затревожился сам, снаряд "катюши" может угодить прямо в воронку. Прочь такую мысль - под своим огнем нельзя умереть!..

- Что это такое? - снова как из-под земли послышался приглушенный, с нотками дикого отчаяния голос юноши. - Что за несчастье?

- Они же не знают, что мы тут! - сказал Виктор. А сам подумал: "Лопухи наводчики!", невольно вспомнив, как когда-то он дал артиллеристам совершенно точные координаты, а они ударили по траншеям своего же взвода.

Из сыпучей земли торчал только нос юноши, желтый, сухой и будто дрожащий. Если и опалит осколок, так только нос, но этого вряд ли надо бояться: воронка глубокая. Разве вот только наводчик видит эту воронку и думает, что тут засел враг. Он может постараться накрыть этот "объект" прямым попаданием. Тогда спасения не жди.

Использовав короткую передышку, юноша живо разгреб землю и выскочил из воронки. Куда он пополз, Виктор не заметил. И не осудил его: вырваться из зоны огня - по существу, правильное решение. Правда, он, видно, не подумал, что бросает раненым товарища, но это можно списать на неопытность.

Вскоре снова ударила "катюша". Успел ли парень спастись?.. Остались ли живыми ребята из взвода?..

Эти вопросы часто задавал себе Вихорев. Думает об этом и

теперь, подъезжая к деревне, где живет его семья. Уже почти не слышно заливистого лая собаки из одинокого лесного хуторка, хотя еще недавно он гулко разносился по лесу. Лес кончается. Впереди, в ночном сумраке, едва заметно белеет полоса горизонта, но видится она голой, пустынной. И чуть заметная в скупом свете луны полевая дорога ведет, казалось, в эту пустыню, больше там ничего нет. Возможно, и деревни нет. Напрасно не остановился в сторожке, не расспросил.

Беляк сначала сбавил галоп, а потом перешел на обыкновенную, нестроевую рысцу. Он часто нагибал голову, будто желая понюхать землю и увериться, что под ним настоящая и нужная дорога. Нигде никаких примет жилья не было видно, и удивляться этому не время. Это же не мирные дни, когда даже какой-нибудь запоздалый огонек в окне мог дать ориентир на десяток километров. Теперь если кто и зажигает свет, то при затемненных окнах.

Тревога коня вскоре передалась и Виктору: неужели не та дорога? Неожиданно вспомнил, что перед Бобровкой должна быть песчаная, всегда светлая горка. С подлесной стороны она заслоняет деревню, которая стоит в низине, тянется вдоль берега здешней тихой реки Битюг. На той песчаной горке когда-то стоял ветряк, махал крыльями, молол людям зерно.

Не видно пока ничего на фоне белой полосы, но Беляк начинает сбавлять скорость, чаще дышать. Почему? Похоже, тут подъем. Может, та самая горка?

Спустя некоторое время белая полоса горизонта заметно расширилась. Беляк побежал резвее, однако никакой мельницы у дороги Виктор не увидел. И горки тоже. Перед светлой полосой впереди, до которой, конечно, не доедешь, немного левее затемнела в легком тумане низина. Если это та самая низина, что должна быть за горкой, которую они незаметно миновали, значит, туман поднимается от реки. Там и притулилась деревня Бобровка, название которой пошло, видимо, от бобров, что водились тут, в Битюге. Только где ж это мельница? Может, не ту горку преодолел Беляк и теперь спускается не в ту низину?

Легкий встречный ветерок повеял прохладой на вспотевший лоб Виктора, на волосы под пилоткой. Дышалось глубоко, свежо, в чистом воздухе ощущалась речная влажность. Сколько времени побыл тогда Виктор в Бобровке? Однако теперь с влажным ветерком пришла уверенность: это та самая река, что протекает чуть ли не у самого огорода, где стоит пятистенка с боковушкой, в которой поселилась эвакуированная учительница Галина Васильевна.

Луну закрыло облако: потом она совсем спряталась за тучу,

наверно большую, чуть ли не обложную. В низине, как казалось Виктору, все больше и больше сгущался мрак. Снова явилась мысль, что примчался он совсем не туда, и придется ждать рассвета, чтобы найти нужную дорогу.

И вдруг под копытами коня послышался сдвоенный стук по дереву и сразу заглох. Виктор заволновался: мостик через канаву был и тогда - кто ни ехал по нему, слышал этот стук. Доски с широкими щелями между ними лежали на сухих перекладинах, под колесами или копытами доски дрожали, подавали свой голос.

"Деревня это или приречный кустарник? - встревоженно подумал Виктор. Если здесь заросли, то выход один - расседлать Беляка и пустить пастись до рассвета". Удивляла необычная тишина всюду, особенно в той низине, где по всем признакам должна быть Бобровка. Будто нигде никогда и ничего живого! Неужели сейчас такое время ночи, когда даже собаки утратили настороженность, а всех петухов сморил непробудный сон?

Будто из жалости к припозднившемуся путнику показал свой светлый краешек месяц - туча оказалась не очень большой. Серпок месяца быстро увеличивался, округлялся, лучше стала видна дорога, с глубокими, наезженными колеями. Беляк пошел живее, должно быть, надеясь на скорый отдых, а через несколько минут исчезла тревога и у Виктора: он увидел впереди что-то серое и высокое, похожее на крышу здания и на скирду одновременно.

Это была не скирда, а овин с соломенной крышей. Вот уже улица, и конь сбавил бег, а все хотелось убедиться, что это действительно Бобровка, спросить или отыскать глазами надежную примету. Виктор повернул коня к первому же двору. Из недалекого строения дохнуло навозом. Хоть бы кто-нибудь вышел из хаты или открыл окно!

Будить людей не хотелось. Виктор хорошо помнил здешнюю школу и решил дальше ориентироваться по ней. Школа тут деревянная, покрашенная охрой, одноэтажная и длинная. Она стояла на пригорке возле сельсоветской трибуны. Неизвестно только, что раньше тут появилось: школа или трибуна? Но центральная площадь, видно, издавна облюбовала это место, и все сельсоветские и школьные мероприятия и торжества проходили тут. Бобровскую школу Виктор узнал бы даже в непроглядной темноте, потому решил ехать дальше.

Беляк-Сокол настороженно фыркал, наверно, устал и по настроению хозяина чувствовал, что приехали куда надо и наконец-то можно будет отдохнуть. На бег он уже не срывался, шел медленно посередине улицы и поводил ушами то в одну сторону, то в другую, будто спрашивая у хозяина, куда свернуть.

Но Виктор забыл про поводья и шенкеля.

Беляк-Сокол замотал головой, громко пожевал удила. Подавал ли этим определенный знак всаднику? Может, и нет, но Виктор понял, что конь требует отдыха и ехать дальше без передышки он не имеет права. Поэтому, еще не зная, в Бобровку он приехал или в какую-то другую деревню, принял сигнал Беляка и решил, что в любом случае сделает тут остановку, чтоб покормить и напоить коня. Не найдется готового корма, то хоть попасти его на выгоне или в поле.

Но вскоре из полутьмы стали выплывать смутные очертания длинного здания. Оно показалось Виктору значительно ниже Бобровской школы, хотя длиной и напоминало ее. Чтобы быстрее убедиться, школа это или нет, Виктор пришпорил коня. Тот сразу пошел галопом и мигом оказался возле здания. От гулкого топота конских копыт чуть слышно звенели широкие окна. Виктор объехал здание кругом, почти цепляя носком сапога за углы, прежде чем убедился, что это та самая школа: он не мог поверить, что она так почернела и будто осела за минувшие годы. Возможно, и занятий тут теперь нет.

На небольшой пришкольной площадке конский топот заглох, но не от травы, как можно было ожидать, а от пересохшего чернозема. Так было тут и раньше. Виктор увидел неподалеку сельсоветскую трибуну и подъехал к ней. Показалось, что и она стоит не на том месте, где была раньше. К тому же - та была с перилами, а тут только помост на высоких столбах. Ступенек нет, и помост тоже кто-то начал разбирать - видимо, на растопку.

В конце деревни, наискосок от площади, должна быть та хата, где когда-то отвели боковушку Галине. Если и ту пятистенку с крыльцом на улицу не узнает, то придется кого-нибудь будить.

Высокие ворота, скрывавшие двор и окна хаты, показались Виктору очень знакомыми. Наверно, потому, что вспомнилось, как когда-то открывал и закрывал их своими руками. Крылечко немного покосилось, будто предупреждая, что повалится, если неосторожно ступить на него.

Не слезая с седла, Виктор тронул ногой половинку ворот; она послушно скрипнула и приоткрылась, со двора дохнуло чем-то очень близким и родным, захотелось как можно скорее попасть во двор, на огородик, куда выходит окошко Галиной комнаты.

Вихорев живо соскочил на землю. Теперь он был уверен, что попал домой, что его ждут, иначе вряд ли бы оставили открытыми на ночь ворота. Хотел тихо завести во двор коня, расседлать, привязать в укромном месте и лишь потом постучать в заветное оконце. Но не успел - распахнулась дверь сеней и во двор выбежала Галя, босая, в темной юбке и в чем-то белом на

плечах. Поверх этой резкой белизны в ночном мраке чернели распущенные волосы.

- Ворота были не заперты, - сказал Виктор, словно ему навстречу вышла не жена, а хозяйка, перед которой надо было оправдываться.

- Ворота и вчера были только прикрыты, - сказала Галя, подбегая к мужу, - и позавчера. Мы ждали тебя!

- И ты, конечно, не спала все эти ночи...

Они сели на верхнюю ступеньку крылечка. Побуревшая, натертая ногами, но чисто вымытая доска слегка повлажнела от летней росы и под рукой казалась шершавой, но после долгой езды в седле так приятно было здесь отдохнуть. Он прижал Галю к себе и даже хотел накинуть что-нибудь ей на плечи: показалось, что она моментально озябнет от предрассветной свежести, растеряет то радостное, взволнованное тепло, с каким выбежала встретить мужа.

- Скоро рассвет, - будто с сожалением промолвил Виктор и хотел по привычке глянуть на руку, хотя часов на ней давно не было: разбились на Курской дуге.

- На наших ходиках... - прошептала Галя. - Я не знаю, который час на наших ходиках: они за стенкой...

От Виктора попахивало конским потом, но, наверно, этот запах был приятен Галине. Вскоре после их женитьбы Виктора призвали в армию. Это было в конце тридцать девятого года. А в сороковом Галя приехала в далекий городок, где Виктор служил в кавалерийском полку. В тех местах ударили ранние морозы. Встретившись в холодной комнате гостиницы, они прежде всего стали отогревать друг другу руки, боясь, как бы не простудиться. Галя была в зимнем пальто, но в легких туфлях и в тонких чулках. Виктор - в кирзовых сапогах с теплыми портянками, но в шинельке, хотя впору было влезть в тулуп. Галя сняла с шеи шерстяной платок, когда-то подаренный ей матерью, и укутала солдату плечи, а Виктор старательно отогревал жену под шинелью.

И от шинели, и от гимнастерки густо пахло застоявшимся конским потом, и это не было ей неприятно...

Расставание в деревянном вокзальчике было более грустным, чем год назад возле школы, где она только начала работать. И когда не стало запаха Викторовой шинели, а в вагоне запахло угольным чадом и дымом от паровоза, у Гали стало так тяжело на душе, что она не могла сдержать слез. Прижимала шерстяной платок к губам, к носу, чтоб уловить хоть маленькую капельку чудесного родного запаха...

Уткнувшись сейчас лицом в гимнастерку мужа, Галина

радостно вдыхала почти тот же незабываемый запах, и ей невольно вспомнилась давняя поездка к мужу, когда она едва не отморозила ноги. Памятный шерстяной платок цел и теперь: только не успела накинуть его на плечи, выбегая во двор...

- Надолго тебя отпустили?

Об этом она скорее подумала, чем спросила, но Виктор понял ее тревогу, пожал плечами и не сказал, что ему пора бы уже возвращаться.

- Какой красивый конь! - сказала Галя. - Весь белый!.. Как твой Сокол, помнишь? Покормить бы его...

Виктор не удивился, что Беляк напомнил Гале Сокола, стало приятно, что не одному ему все время этот скакун кажется давним другом и спутником дофронтовой службы.

- Покормить бы его чем, - снова промолвила Галя, уже с хозяйской заботой.

Виктор взглянул на Беляка и увидел, что он неотрывно смотрит на них, его глаза будто светятся, будто горят слабым огоньком. И как ни отворачивался хозяин, как ни старался выкроить еще минутку радостной встречи с женой, все время видел глаза Беляка, они точно упирались холодными лучами в спину. Невольно засверлила мысль, что Беляк не жалел себя в дороге, нигде не задерживался, не хитрил, доказал свою преданность незнакомому человеку, как настоящему другу.

- А что можно найти для коня? - со вздохом спросил Виктор. - Если попасти, то и самому надо быть при нем. А привязать или стреножить - боязно, как бы не украли: этого Сокола мне в колхозе дали под честное слово.

Галя забеспокоилась, поднялась со ступеньки.

- Пойдем посмотрим в хлевушке, я там охапку клевера сбросила - днями на колхозных волах возили. Как чувствовала, что ты на коне приедешь...

С хрустом жуя подсохший клевер, Сокол больше не тревожил Виктора пронизывающим взглядом. А они с Галей не спешили снова сесть на ступеньку, словно к чему-то прислушивались. Галя вдруг насторожилась, направилась к своему окну. Виктор ничего не слышал, а обостренный материнский слух уловил, что малыш в комнате зашевелился, покряхтывает.

"Сынок, - охватило Виктора радостное волнение. - Его голос... Его первое приветствие..."

Пока Галя шла к окну и от окна, Виктор с ужасом заметил, что она прихрамывает на обе ноги.

- Что с тобою, Галинка?

Она смутилась, не поняла вопроса.

- Ступаешь как-то... Будто не своими ногами...

- А... Просто сбила. Вчера на рассвете в Хреновое бегала соль выменять. Назад решила идти напрямик, через лес, да заблудилась... А была босая...

- Садись! Посмотрю, что у тебя с ногами.

- Да ничего, пройдет! Бежим, а то там Тимка!..

Виктор подхватил ее на руки, сел на ступеньку, и она очутилась у него на коленях. На маленьких ступнях белели водяные пузыри, они были видны даже в ночном мраке.

- Почему ты босая ходишь, Галочка?

- Тут все так ходят... А как же мне? И в колхоз надо, и всюду... Я только в школу обуваюсь.

"А есть ли у тебя что обуть?" Этот вопрос больно кольнул в сердце, но Виктор промолчал.

Галя горячо задышала возле его уха и, будто угадав его мысли, зашептала не то сквозь смех, не то сквозь слезы:

- Это ничего... Как люди живут, так и я. Тут не одна я эвакуированная. А вот что соли вчера не выменяла. - хуже. Просто и не знаю, как жить без соли.

- А на что же ты меняла? Прости за такой вопрос.

- На что? - Галина прислушалась, не плачет ли Тимка, и пальцами ног коснулась ступеньки. - Мы, эвакуированные, ходили в лес, собирали грибы. Потом сушили. Объявление было на дверях кооператива, что грибы можно отоварить. Весь свой запас я отдала за бутылку водки: говорили, что в Хреновом только на водку можно выменять соли. За бутылку - стакан.

- И что?

- Напрасно сходила.

У Виктора снова защемило сердце: обо всем вроде подумал, все припомнил, а не пришло в голову, что у семьи ни щепотки соли. Сахару немного припас в госпитале, немного дали в пайке, а соли не догадался попросить. Хорошо, хоть пару воблин положил в рюкзак. Соленые.

В комнате было не темней, чем во дворе: в незавешенное окно уже брезжил рассвет. Виктор увидел на полу узкий, домотканый половичок. Рассеянный свет отражался на белой стене большой крестьянской печи с припечком и плоской лежанкой, падал на деревянную с перильцами кроватку, в которой спал Тимка.

- Здравствуй, сынок! - прошептал Виктор, наклонившись над кроваткой.

Его шепот услышала Галя, прижавшись к мужу, она тоже наклонилась над сыном. Пусть бы проснулся Тимка, раскрыл свои голубые, как у отца, глазенки и посмотрел, кто над ним стоит. Пускай бы и губки надул, как это часто делает, если чего-то

хочет, требует, а ему не дают. Вспомнил бы Виктор эту свою привычку, которая неизвестно каким образом передалась его сыну. Заметил бы, что и губы у сына его, только более розовые и нежные.

- Будем зажигать коптилку или нет? - шепотом спросила Галя. - Тимка иногда просыпается от света.

- Пусть поспит, - понял ее Виктор. - Скоро будет совсем светло.

Он подошел к окну, заслонил его плечами, и в комнате сразу потемнело. К маленьким, не больше книжной страницы, стеклам тянулись, едва не касаясь их, косматые ветки яблони. Сбоку от сада виден был хлев, и возле него белела голова Беляка-Сокола. Убедился, что Беляк стоит спокойно и с удовольствием жует клевер, припасенный Галей.

- Я и люблю свое окно, - стоя рядом с Виктором, тихо говорила Галина, и боюсь его. Тут часто бомбили Хреновое, и так полыхало вокруг, что жутко становилось. Даже светомаскировка не помогала.

- Наверное, и Тимка тогда пугался?

- И тогда, и когда тут гремело.

- Разве и тут?..

- Сюда не только бомбы, но и снаряды долетали: фронт был совсем близко.

- Слушай! - Виктор повернулся к жене, в полутьме уловив ласковый блеск ее глаз. - Сразу спрошу, чтоб не забыть: была же тут раньше мельница на горке за селом? Или меня память подводит?

- Была, - подтвердила Галя.

- Когда ехал сюда, даже растерялся, - продолжал Виктор. - Показалось, что не туда приехал: горка будто бы есть, а мельницы нет.

- Была мельница, - снова сказала Галя. - Разнесло снарядом. Хоть тут ни одного нашего солдата не было, но немецкие наводчики брали на прицел все, что видели. Насиделись в те дни и мы с Тимкой в погребе на огороде.

...Слышно было, как за стенкой тикают ходики.

- Они с боем, - сказала Галя, заметив, что Виктор насторожил слух. Должны вскоре отбить время.

- Без них видно, что ночь на исходе. - Виктор окинул взглядом стены комнаты, неровно оклеенные обоями. Уже можно было различить, что обои полосатые, только цвет полос еще не обозначился. Сбоку от окна висела темная рамочка с фотокарточкой. Виктор решил, что уже можно разглядеть эту фотокарточку, и сделал шаг ближе. Узнал, вспомнил...

Галя в беретике, с легкой косынкой на шее. Молоденькая, светлая, счастливая. Доверчиво и нежно прижалась беретиком к нему, наголо остриженному, выглядевшему в военной форме старше своих лет.

- У тебя одна эта фотокарточка?

- Вторая у тебя.

Виктор промолчал. Действительно, тогда фотограф в гарнизоне срочно сделал им две фотокарточки, одну взяла Галя, а вторая осталась у Виктора. Единственная память о той довоенной встрече.

Вспомнились брезентовые портупеи, которые приходилось надевать каждый день. Они поддерживали такой же брезентовый пояс, на поясе с одной стороны висел кавалерийский клинок, а с другой - патронташ. Невольно пальцы потянулись к теперешней офицерской портупее и ремню, нащупали царапины на ремне. Виктор не хотел менять ремень в госпитале: он - тоже память. Царапины на нем от осколков разрывных пуль. Были они также на голенищах сапог, несколько дырок Виктор нашел потом на гимнастерке. Это все память о Курской дуге, особенно о том случае, когда пришлось кинуться под пули. Тогда на боку у него была еще и планшетка. Наверно, осколки обрезали ее, только конец ремешка остался. Ночью Виктор вылез из воронки и долго ходил и ползал по заросшему лебедой и полынью полю, обшарил почти все воронки с той стороны, откуда полз. Планшетки не нашел, в ней была та заветная фотокарточка.

...Ходики наконец ржаво проскрипели за стеною, пробили четыре раза. Галя будто испугалась, смущенно глянула на кровать, прикрытую покрывалом, с одной подушкой, поставленной углом.

- Скоро хозяйка встанет, наверно, зайдет ко мне - велит запрягать волов.

- Так рано?

- На волах пока-то доедешь! Прости, ты же такой голодный!

- А ты?

- Так я же дома...

Галя разбирала постель, и руки ее дрожали. Когда-то, в том далеком теперь местечке, где они учительствовали, хозяйка временно отвела им один диван на двоих, старый, с выпирающими пружинами, к тому же очень узкий. Постель на нем устраивалась только на ночь - днем диван был единственным удобным местом, чтобы посидеть. Как помещались на нем, уже и забылось...

...Подушка в руках показалась холодной. Галя невольно глянула на печь, где спасалась от холода зимою, и смутилась: лето же на дворе. Начала прикидывать, где лучше лечь самой: возле стенки, страшно холодной зимой, или с краю? А чем накрыться? Одеяло узенькое и короткое, только на одного. Тут все на одного! Подушка - блин блином, даже не взбивается:

перьев в ней одна горсть. Кровать, наверно, детям была поставлена. И комната эта раньше отводилась детям. Выросли, разъехались, сын в армию ушел.

Трещит, скрипит, ходуном ходит кровать, когда Галя укладывается спать. Она уже привыкла к этому скрипу. А если вдруг развалится?.. И смешно, и горько стало от такой мысли...

* * *

Только они стали засыпать, как заплакал в своей кроватке Тимка. Заплакал громко, настойчиво.

- Спи, сыночек, чего ты? - спросила мать.

- Мне холодно, - сквозь слезы пожаловался малыш.

- Да теперь же не зима, сынок. Вот я встану, получше укрою, и не будет холодно.

- Я хочу к тебе!..

- Давай возьмем его! - шепотом попросил Виктор.

- Куда же?.. - Галина еще дальше отодвинулась к краю.

- Ничего, поместимся как-нибудь.

Она перенесла малыша на кровать. Виктор ощутил возле себя тепленькое, нежное тельце, в одной рубашонке, только ножки были холодными.

- Он действительно озяб там один, - ласково и сочувственно зашептал Виктор, взяв в руки обе детские ножки. - Замерз, мой маленький...

- Это твой папка! - зашептала Галя малышу, прижавшись губами к его мягким, пуховым волосам. - Приехал к нам с войны... На белом коне примчался... На Соколе, навестить нас.

И тут произошло чудо, которого Виктор не ждал и о котором много раз с нежностью вспоминал, - Тимка быстро повернулся, поднялся повыше и обнял его за шею. Головкой притулился к жесткому от густой щетины подбородку. Малыш еще взволнованно дышал после недавнего плача, но быстро успокоился и затих, не отрывая рук от отцовской шеи. Так и заснул...

Чудно, волнующе пахли детские волосы возле самого лица, возле самых губ... Родной, непередаваемый запах! Ему нет названия, он не подвластен определению. И Виктор подумал, что, наверное, это и есть счастье... Не часто оно выпадает в жизни и, наверно, не каждому. Возможно, ради него, ради этого момента надо было побывать под Сталинградом и под Курском, пролить немало крови, пережить горечь поражений и радость победы, да, наконец, даже и это встретить белого Сокола, чтобы прилететь на нем сюда, к семье...

Правая рука Виктора лежала под Тимкой. Ноги мальчика уже согрелись, и отец вынул левую руку из-под одеяла. Долго гладил

пушок волос на голове сына, а потом пальцами нашел нежные волосы жены. Галя поймала его руку губами, прижалась к ней и затихла, наверно, заснула. Вскоре заснул и Виктор.

...Белый Сокол вдруг появился перед ним с пучком клевера в зубах вместо удил. Седло на нем, подпруги подтянуты... "Кто же его оседлал? - удивился Виктор. - Я же спрятал седло в хлеву". Сокол будто сам поднял Виктора на седло и помчался по улице... Сильный ветер шумит в ушах... От ветра крутится мельница на горке за селом. Та самая, которую разнесли снарядом немцы. Впереди лес... Деревья вдруг начинают качаться, клониться и падать на дорогу... Ехать дальше невозможно, но Виктору помнится, что ему надо в часть, и Сокол взвивается на дыбы, изготавливается для длинного прыжка... Взвивается и не опускается на землю... Летит белый Сокол над лесом, и навстречу ему поднимается солнце... Не луна, не звезды ночные, а настоящее яркое солнце... Даже пригревает лицо...

...Ранний луч солнца действительно уже светит в окошко, в прогалины между ветвей яблони, сверлит стекла, зайчиками скачет по полу. Солнечный луч коснулся лица Виктора, и он проснулся. Гали на краю постели уже не было, Тимка спал, почти не изменив положения - руки под шеей и на шее отца. Голова малыша - под отцовским подбородком, волосы - возле губ. Детское дыхание ровное, чистое, теплое - малыш дышит ртом, наверно, заложило носик. Отец ощущает эту чарующую теплоту своим подбородком, старается не шевелиться, чтобы не потревожить ровного дыхания сына. В объятиях маленькое родное существо, как бы неотъемлемая часть собственного тела. В нем все необыкновенно.

Еще не проснулся как следует, а дневные заботы и тревоги начинают одолевать. Но все еще кажется, что сын только снится, и он во сне ощущает его родную близость и особенный детский запах. И вдруг раскрывает глаза... Нет, не сон! Вот они, пухлые розовые губки. Отец замечает, что губы сына похожи на его...

Слышен скрипучий стук ходиков за стеной. Прислушаться бы к ним, к их бою, но так трудно бороться со сном... Тимка тоже не может проснуться, наверное, его сон крепче, слаще возле отца. Первый такой сон...

Тихо и осторожно открылась дверь, вошла Галя. Виктор не слышал, как скрипнула дверь, и Галю увидел возле кровати.

- Меня отпустили, - прошептала она, увидев, что Виктор не спит. И замерла, не спуская глаз с постели, где лежали они двое, самые близкие и дорогие на всем свете.

- Приляг на минутку, - попросил Виктор. И, сняв свою ладонь с узеньких плечиков сына, потрогал край кровати, на котором до

этого спала жена. Твердо тут, рубец какой-то...

- Я не чувствовала.

Они счастливо разговаривали.

Старались шепотом, чтоб не разбудить мальчика. И была необыкновенная радость в этом утреннем разговоре, хотя он часто прерывался, будто слова куда-то исчезали и надо было их искать или ждать пока они найдутся. Но и недолгое молчание было приятным.

- Я Сокола напоила, - сказала Галя и смутилась от мысли, что не к месту напомнила про коня: пусть бы Виктор еще не думал об отъезде.

- Вот хорошо! Хорошо сделала. Я и сам собирался...

- Бабка ему овса дала... В торбочке...

- Так это же отлично! - чуть не вскрикнул Виктор. - Пусть подкрепится Сокол.

- Так-то оно так, - согласилась Галя. - Но она у нас ничего не делает без расчета. - И еще более тихим шепотом продолжала: - Она не вредная, но очень скупая. Говорят, под старость такой стала. Молодая хозяйка, невестка старухи, у нас добрая, бескорыстная. А старуха - с расчетом во всем.

- А какой тут расчет? Подкормила коня, и спасибо ей! Может, заплатить за овес?

Галя умолкла. Конечно, не об этом надо говорить. Сразу не выяснила, о чем неотвязно думалось, и сейчас не может спросить, сколько Виктор собирается побыть дома. У нее интересовались об этом в колхозе.

- Может, с неделю побудет? - строили предположения одни.

- А может, и больше. Раненый же... - рассуждали другие.

Болью и радостью отдавались в сердце Гали их слова. На длительную побывку она, конечно, не надеялась - это понятно было из Викторова письма. Да и коня никто не дал бы надолго. Но хотя бы денек или два...

И когда уже решилась задать мучивший ее вопрос, тихо скрипнула дверь и послышался вкрадчивый старческий голос:

- К вам можно?

Галя сорвалась с постели, подлетела к двери.

- Мои еще спят, - сказала смущенно, но в то же время резковато, не скрывая недовольства.

- Так пускай, пускай себе спят! - сказала бабка, протискиваясь в комнату. - Пускай спят, а я тем временем у тебя, Галька, спрошу: может, мы запряжем этого белого в плуг да вот тут, на огороде, распашем сотку картошки? Скороспелка у нас... Пора копать.

Хоть и хорошо знала Галя свою старую хозяйку, хоть и

ожидала от нее всякого, однако такого поворота не предполагала и потому растерялась, не знала, что ответить.

- Хомут у Косого возьмем, на конюшне, - между тем уточняла старая, - а плужок у Митрофана. Я уже с ним договорилась.

Галя смущенно заморгала и, будто ища спасения от такого натиска, перевела взгляд на Виктора. Тот скорее почувствовал ее взгляд, чем увидел, и, чтоб выручить жену, сказал то, чего пока не решался сказать:

- Мне скоро ехать. Да и конь у меня чужой...

- А что ему сделается? - не отступала старуха. - Я же и овса ему торбочку... И еще можно подсыпать...

- Еду я, еду! Только повидаться заскочил! А за овес могу заплатить.

- Чего ж так быстро ехать? Тут вас ждали, ждали...

От голосов проснулся Тимка, раскрыл глаза, глянул на отца и снова закрыл. Руки на отцовской шее немного ослабил.

- Мама! - несмело позвал он и уткнулся в подушку.

С рук матери малыш с любопытством смотрел на Виктора, который уже сидел на краю кровати и спешно, как по тревоге, натягивал сапоги.

- Что, сын? - весело спросил он. - Разбудила нас бабка? Мы б еще поспали...

- А ты правда так скоро уедешь? - с тревогой спросила Галя. И застыла, надеясь, что Виктор не повторит недавних слов, что, может, сказано это было только, чтобы отвязаться от старухи.

- Надо ехать, - вздохнув, проговорил Виктор. - Сегодня я должен попасть на московский поезд.

Мать спустила маленького с рук, поставила его босыми ножками на половичок, руки ее дрожали... Больше она ничего не говорила, и Виктор не торопился начать разговор, знал, что Галя заплачет, как только раскроет губы, поднимет на него свои карие, уже заблестевшие от слез глаза.

- Иди ко мне, Тимка! - позвал отец и протянул к сыну руки. Тот посмотрел на мать и не тронулся с места.

- Его надо одеть, - заспешила Галя.

В штанишках и серой курточке, в сандаликах Тимка выглядел крупнее, самостоятельнее. Отец достал из сумки и дал ему кусок сахара. Мальчик взял белый квадратный кусочек и какое-то время с интересом растерянно поглядывал то на отца, то на сахар, ощупывал острые края пальцами, вертел на ладони, а в рот не брал.

- Я тебе оладушек дам, - сказала Галя. - А с сахаром чайкю попьем. Она с улыбкой глянула на Виктора. - Тут так говорят - "чайкю". - Посуровев, добавила: - Тимка ни разу не видел такого

сахара, наверно, и не знает, что это такое.

- Знаю, - возразил малыш. - Он сладкий.

Виктора тронули эти слова, такие уверенные, будто и не детские. Перед ним стоял на половичке маленький человечек, его сын, и Виктор с нежностью глядел на него. Мать подала Тимке вчерашнюю оладью. Если бы Виктор не увидел ее в руке сына, не поверил бы, что эту оладью можно есть: что-то зеленое, темное было в руке сына. А Тимка набил этой оладьей рот, жевал, и, когда отворачивался к печи, чтобы проглотить, отец видел, как бледная детская щечка слегка краснела. Виктор кинулся к своему рюкзаку, выхватил солдатскую буханку хлеба. Отломил еще не совсем зачерствевшую горбушку, поднес Тимке. Тот растерянно глядел на хлеб, но ни оладьи, ни сахара из рук не выпускал.

- Он еще не знает, что это, - грустно вымолвила мать. - У нас настоящего хлеба давно не было.

- А это из чего? - в смятении спросил Виктор и глазами показал на остатки оладьи в детской руке.

- Из листьев, - тихо ответила Галя. - И ботвы. Сушим все это, потом толчем в ступе, добавляем немного картошки, когда есть. А чаще - толченые картофельные очистки.

- А что же колхоз?.. Ты же ходишь на работу!

- Дали немного ржи... Так мы ее на крупорушку - теперь кашу варим. Думала - и тебя угощу кашей.

Во дворе вдруг послышался громкий стук.

- Кто это? - вскочила Галя и выбежала в сени.

Возле хлева стоял Беляк, махал пустой торбой, натянутой на морду, и передним копытом бил в дощатую стенку.

- Твой Сокол! - с тревогой сказала жена, вернувшись в комнату. Чего-то волнуется.

Виктор посмотрел в окно, потом вышел во двор. Беляк сразу успокоился, когда сняли с него пустую торбу. А когда Виктор понес ее в хлев, конь повернул голову за ним вслед: понравилось, видно, угощение. Но напрасно ждал добавки - не мог Виктор досыпать в торбу овса. Где его возьмешь без хозяйки? А если б и нашлось, разве позволила бы взять старуха?..

Отгонял тяжелую мысль, что сыну приходится питаться такими странными оладьями. Эта мысль больно ранила душу, даже обида взяла на коня, что съел полторбы овса.

Подошла хозяйка, не та, что заходила в комнату просить коня, а ее невестка. Узнала Виктора, сразу вспомнила его первое посещение. Радушно поздоровалась и имя свое назвала: Антонина, - видимо, сомневалась, что гость запомнил ее.

Антонина еще молодая, но постарше Гали, высокая, не очень складная. Лицо приветливое, загорелое до красноты, только под

волосами, собранными в тугой узел, да над ушами белеют светлые полоски. Она тоже с интересом глядела на коня, и Виктор смутился, отвел глаза: неужели и она попросит запречь Беляка? Что делать? Может, пускай запрягают? Так ведь и времени на это нет. Мог бы чуть дольше побыть с женой и сыном, да хозяйки подгоняют просьбой: придется поскорее выбираться отсюда.

- Хорош у вас конь, хорош! - сказала Антонина. - Пожалуй, в Хреновом таких не было! А ведь там конезавод был на всю Россию! Разбомбили, нечисти, уничтожили...

Беляк будто понимал, что его хвалят, глядел в их сторону.

- Может, поискать ему еще какого корма? - спросила Антонина. - А на бабку нашу вы не обижайтесь: стукнуло ей в голову картошку распахивать. Выкопаем лопатами, было бы что копать.

Они подошли ближе к хлеву, и Виктор вспомнил, что хотел спросить у Гали: что там за дубовые ветки, которыми завален чуть ли не весь хлев?

- Это наши дрова, - будто догадавшись, сказала Антонина. - Таскаем с Галей из лесу, что за рекой. Кто-то рубил дубняк, а мы только ветки подбираем. Обе же солдатки, одинокие - что тут поделаешь!.. - Антонина попыталась улыбнуться, да вдруг заплакала, тихо, горестно. Сначала глаза заблестели, будто поймав внезапно яркий луч солнца, а потом по исхудалым, с заметными морщинками щекам потекли слезы. - Мой тоже с первых дней на войне. Писал вначале... Приходили треугольнички... И вот уже второй год - ничего... Совсем ничего...

Она жалобно взглянула на Виктора, в глазах стоял трудный, страдальческий вопрос.

Виктор сочувственно молчал, а она торопливо говорила дальше, будто пытаясь возразить ему:

- Нет, похоронки не было!.. И никакого плохого слуха, не про нас будь сказано... А недавно, знаете, как было? У нас тут одна получила похоронку на мужа, а через какой-нибудь месяц он пришел домой. Без руки, правда, но пришел. Есть же счастье людям!..

В двери коридорчика показались Галя с Тимкой. В руках у Гали был топор.

- Вот нарубим дров, - ласково говорила мать, будто забавляя сына, - да будем завтрак варить... Папку угостим.

- Кашей? - спросил Тимка. - Или крупником?

Он так отчетливо и с нажимом выговорил "р", что отец услышал и оглянулся.

- Вот и дровосеки тут! - сказала Антонина и добавила: - Я

сама нарублю, чего уж вы с малышом!

Виктор подошел к жене и взял у нее из рук топор. Направляясь к хлеву, взмахнул топором раза два в воздухе, будто вызывая в себе былую сноровку. Лезвие топора поблескивало при взмахе, ловило лучи солнца, которое стремительно поднималось из-за приречного дубняка, откуда эти две женщины-солдатки таскали на своих спинах сучья.

- А что же колхоз? - снова спросил Виктор. - Неужели не мог дать вам хоть какого-нибудь вола съездить в лес за дровами.

- Мне Кульгавый не даст, - уверенно сказала Антонина, - а Гале, пожалуй, не отказал бы как эвакуированной. Но она же не пойдет, не попросит. Ни за что не пойдет!

- А кто такой Кульгавый? - Виктору представлялся местный деревенский лежебока с укороченной ногой. Ковылял до войны по улице, и никто его не замечал, а теперь вот командует, когда все мужчины на фронте.

- Это теперешний председатель, - подтвердила Антонина Викторову догадку. - Королем держится - один мужчина на всю деревню! Да только название, что мужчина: ни ума, ни совести!..

Виктор хозяйским взглядом заметил, что под ветками возле хлева лежит почерневшая от давности и вся исклеванная топором колода. Быстро высвободил ее и стал рубить на ней ветки. От первого удара дубовый осколок, как от легкого взрыва, взлетел высоко, чуть ли не на крышу хлева.

- Ой! - с восторгом воскликнула Антонина, засмеялась и подалась в сторону. - Галя! - обратилась она к ней. - Уведи ты малыша в хату, а то еще... Это же самый толстый комель был.

- Топор у вас очень острый, - словно оправдывался Виктор, трогая большим пальцем лезвие. Почувствовал, что топор иступлен, да и кто тут его наточит?

Галя попыталась увести Тимку в комнату, но мальчик уперся и наотрез отказался идти, начал плакать. Он не мог отвести глаз от Беляка, который при каждом ударе топора настороженно вздрагивал и поднимал вверх острые с черными кончиками уши. Но главное - этого, может, мальчик еще не понимал тянуло его побыть с отцом, посмотреть, как он ловко и легко взмахивает топором, который лежал у них под кроватью и который он однажды попробовал взять в руки, но даже не смог поднять.

Да что говорить про малыша. И Антонина ловила себя на том, что ей не хочется уходить от хлева, хоть у самой немало всяких хлопот и неотложных дел в хате. Хотелось еще поговорить с военным человеком, рассказать о том, о чем Галя, наверно, промолчала. А то уедет и не будет знать, что жена целую зиму бегала в школу в одном жакетике, в котором эвакуировалась.

Кожушок, который ей выделили как учительнице в районе, Кульгавый зажилил и отдал местной продавщице, у которой почти каждый день лакал водку. И еще. Отец, может, догадался, а может, и нет, что его сын вряд ли видел когда настоящий, пахучий хлеб, не говоря уже о других харчах. Молотили колхозный горох. Некоторые эвакуированные не ждали, пока им что-то выделят, сами пришли с торбами. А Галя не пришла. Не сходила, не поклонилась председателю, так ничего ей и не досталось...

Антонина говорила б и говорила Виктору. И в глаза ему глядела бы. Но он рубил дрова, так хоть посмотреть на мужика, полюбоваться его силой и сноровкой. Вон какая куча дров выросла за какую-то минуту! До завтрака он все ветки порубит...

И вдруг грустная мысль: "А какой завтрак? Кто его приготовит? Из чего? У Гали ничего нет, кроме горстки ржаной крупы".

Радостно екнуло сердце, когда представила, что поможет Гале: принесет все, что у нее есть, даже бутылку водки, которую не успела променять на соль. Галя не смогла, а она просто не успела. Вот и посидят вместе, и поговорят.

Сколько уже лет нет в хате мужчины, хозяина?.. Ее Змитер, хоть и щуплее Виктора, но на всякую работу и по дому, и в поле сил и ловкости у него хватало. В горячую пору и Антонина ему помогала. В армию призвали в первые дни войны. И враз опустело без него все: и двор, и дом. Казалось, все околицы опустели, все поля. Пришел бы домой хоть раненый... Пускай бы ничего уже не делал, а только показывал да подсказывал, что и как надо делать, и это было бы большим счастьем...

- Я возьму немного дров, - сказала Галя, подойдя к Виктору.

- Подожди, не надо! - перебила ее Антонина. - Они сырые, эти сучья, долго разжигать. Пойдем, у меня есть вязанка сухих... Быстро завтрак приготовим!

* * *

Виктор седлал коня. Рядом стояли все обитатели дома. Кроме Гали с Тимкой и Антонины из хаты выскочили две Антонинины девчушки: босые, платьица до колен, волосы взлохмаченные, видно, только что поднялись с постели.

Беляк, почуяв седло, подтянулся, насторожился, перестал поглядывать на дверь хлева, откуда ему недавно выносили лакомый корм. Железное кольцо левого стремени слегка покачивалось, пока Виктор подтягивал подбрюшные ремни. Когда он наконец оседлал коня, тот сразу повернулся боком к всаднику, словно хотел сказать: "А ну давай ставь ногу в стремя!" У Виктора сперва мелькнула мысль: рвануться с места в галоп и через

минуту очутиться за селом, а уж там одуматься и тихо, в одиночестве пережить, перестрадать горькое расставание. Но эта мысль тут же и исчезла. Невозможно, горько даже представить себе, что Галя и Тимка останутся одни. И уже неизвестно, на какое время, неизвестно, выпадет ли счастье снова повидаться.

- Он уезжает? - тихо спросил мальчик, тронул руку матери.

- Это твой папка! - еще раз напомнила Галя. - Папке надо ехать на фронт, там еще война. Но он без нас не уедет. Мы будем провожать папку. Далеко проводим... До самого леса.

- И я хочу на фронт! - Тимка, очевидно, надеялся, что отец услышит это и возьмет его с собой.

- Оба на фронт? - с обидой спросила мать. - А я с кем останусь?..

Малыш смутился, но не сводил глаз с Беляка и следил за каждым движением отца. Виктор услышал тихий разговор жены и сына, подошел к ним.

- Хочешь, сынок, прокатиться на коне? - спросил он. - Посидеть в седле?

Мальчик утвердительно кивнул головой.

...Они "ехали" по улице. В седле сидел Тимка, а остальные, кто провожал Виктора, шли рядом. Отец поддерживал сына за ногу, которая далеко не доставала до стремени. А малыш гордо сидел на коне, ведь это же отец посадил его в седло, это же отец идет рядом и держит свою руку на его колене.

Беляк ступает осторожно и как-то особенно пружинит ногами, будто знает, чувствует, кого везет. Рядом с Виктором идут Галя и Антонина. Они задумчиво молчат, разговор не клеится. Обе любуются Тимкой, который сидит в седле с таким смелым и радостным видом, будто уже не раз ездил верхом. А между тем Галя подумала, что мальчик до этого времени даже не видел коня - в здешнем колхозе ездят на волах.

Антонина вдруг обернулась, и на ее темноватом обветренном лице вначале мелькнуло возмущение, а потом губы расплылись в умильной, всепрощающей улыбке: по улице с веселым криком и смехом мчались наперегонки ее девочки, догоняя дядю с белым конем.

- А кто дом стережет? - сурово крикнула на них мать, но с такой лукавинкой в глазах, что девочки ничуть не испугались.

- Мы хотим посмотреть, как Тимка едет на коне, - сказала младшая. А старшая добавила, что им надо попрощаться с дядей Виктором, что он, наверно, теперь уже не скоро приедет снова.

- Вы хоть позавтракали? - спросила мать.

- Позавтракали, - ответила младшая, а старшая промолчала, видно, не хотела говорить неправду.

Разговор на этом прервался - со двора, где был сельский магазин, вышла дородная, краснощекая женщина с голубой в горошек косынкой на шее. На косынку обратил внимание и Виктор: точно такая же была у Гали. Антонина сразу догадалась, что это и есть Галина косынка, и чуть было не кинулась навстречу женщине. Галя, отгадав намерение соседки, схватила ее за руку.

- Это же твоя косынка! - с возмущением зашептала Антонина. - На что ты ее променяла?

Галя отрицательно покачала головой - не хотела начинать разговор при Викторе. Он действительно мог помнить эту косынку, сам ее покупал. Это было, когда она ездила к нему в кавалерийский полк. И как ни жаль ей было отдавать подарок мужа, но косынка была единственной вещью, без которой Галя могла обойтись.

- Я у нее спрошу! - возмущенно заговорила Антонина. - Я у нее дознаюсь, откуда у нее твоя косынка. И про кожушок спрошу! Змея! Готова всех обобрать!

Галя почти не знала эту женщину - в магазин ходила редко. Заветная косынка на чужой шее кольнула в глаза, но большой обиды не вызвала, разве что пробудила давнюю боль в душе. Дело в том, что она сама отдала эту косынку. Отдала незнакомому деду, который в прошлое половодье помог ей переправиться через бурлящий ручей, преградивший дорогу домой.

...Ее вызвали в район. Вышла на рассвете, подмораживало, а когда возвращалась вечером назад, по улице невозможно было пройти. Подалась на огороды, а там провалилась в какую-то яму, из которой и не выбралась бы, если б не помог тот старик, видимо хозяин огорода. Потом он оторвал от забора две жерди и навел временную переправу.

- И ты отдала за это косынку? - спросила Антонина.

- Отдала, - подтвердила Галя.

- И он взял? У эвакуированной?

- Откуда он знал, кто я такая?

Антонину осенила догадка: "Тот старик отнес косынку в магазин и пропил".

Пускай бы и Виктор узнал об этом, но не время теперь рассказывать. Вот уже и магазин миновали, уже и до околицы рукой подать... А Тимка сидит в седле, первый раз в жизни чувствует себя всадником, первый раз с такой высоты оглядывает деревенские хаты, дворы, садики... И кажется ему, что на него смотрят все - и из дворов, и из окон. А если кто идет навстречу, то останавливается, чтобы поглядеть и поздороваться. Только одна продавщица не остановилась...

Радуется Тимка и не знает, что вскоре ему придется покинуть

седло, что надо будет расставаться с отцом и с белым Соколом, который с таким достоинством провез его по всей улице.

Беляк идет медленно, плавно. Виктор понимает, что надо спешить, - это не выходит у него из головы. И в то же время благодарен Беляку за то, что тот не спешит, дает возможность побыть с сыном подольше. Виктор глядит на сына и старается не думать о том, что очень скоро придет час расставания. И может, надолго... Может, навсегда...

С болью подумалось: как будет жить семья дальше? Поддержка по аттестату будет не регулярной. Колхоз тоже мало чем помогает. И крепнет решение написать обо всем в военкомат.

Ну а сам он - чем помог семье, приехав на короткую побывку? Буханкой хлеба да парой воблин? Тимка плохо одет. Штанишки на нем худые, курточка ветхая, перешитая из чего-то старенького. Сандалики тоже стоптанные, а на голове и вовсе ничего нет: ветер шевелит белую челку надо лбом. Виктор снимает свою пилотку, кстати, тесноватую ему, и надевает Тимке на голову. Пилотка закрыла челку и даже глаза. Тимка повертел головой и, довольный, улыбнулся. Отец поправил пилотку так, чтоб не закрывала глаз и чтоб немного были видны светлые, как у самого, волосы.

Ветерок дул в лицо ощутимее - улица кончилась. С высокого седла Тимка уже видит выгон за околицей: зеленый, усыпанный желтыми цветочками у реки, и рыжеватый, с белыми пятнами песка у бугра, где когда-то стояла мельница. Наверно, виден мальчику и лес, который начинается за бугром. С земли можно разглядеть только вершины елей, темные и острые, будто зубья огромной длинной пилы.

- Мы поедем далеко-далеко?

Это спросила Маняка - так звали в доме младшую дочку Антонины. Она подняла любопытные и черные, как угольки, глаза на мать и ждала ответа. Ей хотелось провожать дядю Виктора дальше и дальше, а главное - не лишать удовольствия Тимку, который и не думал спускаться с такой чудесной высоты на землю.

И вдруг все удивились: конь остановился. Виктор не подал ему знака идти дальше, так как чувствовал, что настала минута расставаться. Возможно, подумав об этом, он незаметно натянул повод. А может, мальчик пошевелился в седле, и конь принял это как команду.

- Мы дальше не поедем, - сказала Галя, обращаясь к Тимке. - Видишь, сынок, и конь остановился.

Тимка недоверчиво посмотрел на мать, потом перевел взгляд на отца. Тот молчал, опустив голову, и не торопился снимать

маленького всадника: будто надеялся, что Тимка сам все поймет и соскочит с седла. Но вот малыш тронул отцовскую руку, и Виктор спохватился, заговорил горячо, возбужденно:

- Скоро я снова приеду, сынок! Приеду насовсем! Тогда мы с тобой вместе покатаемся на коне. Далеко помчимся, во-он за тот лес!..

Виктор взял сына на руки, прижал его к себе и скорее почувствовал, чем увидел, что мальчик плачет, но тихо, как бы тайком. Да только слез не смог ни удержать, ни скрыть: они стремительно катились по щекам и исчезали где-то за воротником курточки. Следы от них долго не высыхали на ветру.

- Я приеду, - уверенно повторил Виктор. - Скоро приеду! Тогда уж... Тогда уж все время будем вместе!..

- Тимка, отдай папе пилотку, - сказала Галя. - А то забудем!

Мальчик потянулся было рукой к голове, но Виктор остановил его:

- Это твоя, сынок, пилотка! Твоя! Я дарю тебе ее... Вот даже со звездочкой... Чтоб ты был настоящим всадником!

- А как же ты? - В голосе жены и благодарность, и сомнение. - Что скажешь в части?

- Так и скажу. - Виктор поправил пилотку на голове у Тимки. - Скажу, что подарил сыну.

Держа ременные поводья на локте, он посмотрел себе под ноги, будто выбирая сухое и уже пригретое место на полевой дороге. И не нашел поблизости такого места - всюду еще лежала роса, искристо поблескивала в первых лучах солнца. Как же поставишь малыша на росу? Передал сына матери, но тот выскользнул из рук и пробежался по росной тропке.

Антонина поняла, что теперь ей с детьми неловко оставаться тут: семье надо попрощаться наедине. Она подошла к Виктору, сердечно пожелала ему счастья и скорого возвращения, а потом, сдерживая слезы, подала листок бумаги, свернутый треугольничком, и попросила:

- Возьмите, пожалуйста... На всякий случай... Это последний адрес моего Змитера. А вдруг ваши дороги и сойдутся.

Виктор понимал безнадежность этой просьбы, но отказать женщине не мог: пусть надеется, что муж жив... Пусть ждет.

Антонининым девочкам интересно было поглядеть, как Тимкин папа будет уезжать на белом коне, но мать, скоро взглянув, повела их с собою.

Никому из них в эти минуты не хотелось спешить, но что делать? Как ни отмахивался Виктор от тревожной мысли, что сегодня может и не успеть на московский поезд, она все время подтачивала сознание, наполняя его беспокойством и нарушая

душевное равновесие. Жена, сын... Душа и сердце с ними. Но воинский долг - выше этого. У офицера в резерве - только короткая передышка, будто пересадка с одного поезда на другой. А там снова фронт, взвод или рота на передовой. И эти взвод или рота уже где-то воюют, и еще хорошо, если командует ими старшина или сержант. А то, может, и рядовой солдат: командиров в пехоте почти всюду не хватает. Как помнится Виктору, командир стрелкового подразделения редко оставался в строю больше месяца. А чаще - несколько дней и опять в лучшем случае госпиталь. Хорошо, если удастся, как ему теперь, вернуться в строй. Именно в строй, а не в свое подразделение: никто для лейтенанта не станет искать его прежнюю часть. Она, пока он лечился, могла оказаться далеко, переформироваться, а то и совсем быть расформированной. Дадут новый взвод, и все пойдет сначала. Сколько продержишься, сколько выстоишь? Потом - повторный круг: госпиталь, новая часть, новое назначение.

Лука седла оказалась тепловатой, когда Виктор дотронулся до нее. От солнца? Нет. Солнце еще не успело пригреть. Это Тимка держался обеими руками за луку, и все седло будто дышало нежным детским теплом.

"Пойти и дальше пешком и вести за собою коня? Тогда и Галя пойдет, и Тимка... И Антонина вернется с детьми. А может, вскочить в седло и рвануть с места в галоп, чтобы в один момент оказаться за горкой? Тимка, может, и не поймет, почему так быстро исчез папка. Почему полетел куда-то белый конь. Галя утрет платком слезы и возьмет мальчика на руки. Вспомнит, что возле первой хаты ее ждет Антонина".

У самого уха он услышал нежный, полный ласки и тревоги шепот:

- Опоздаешь, Витя... Из-за нас. Будут неприятности...

Виктор наклоняется к сыну, затем решительно выпрямляется и взлетает в седло. На горку пускает Беляка во всю прыть, там резко останавливает и поворачивает коня. Галя держит Тимку на руках, оба машут руками. Издали Виктору кажется, что его зовут: вернись, вернись! Побудь с нами еще хоть минутку! И ему хочется пришпорить коня, стремительно, как на крыльях, спуститься с горки...

Галя, кажется, догадывается, что у мужа на уме. Конечно, он хочет вернуться, сказать что-то недосказанное, заветное. Нет, не надо! И она последний раз прощально поднимает руку.

* * *

Маленькая, серая, как домашняя кошка, сибирская кобылка мечется между деревьев и кустов. Короткие косматые ноги,

черная полоска на спине... Разорвется мина поблизости - кобылка едва не валится от взрывной волны и бросается в сторону, будто перекатывается в другое место. Мина взрывается там, где кобылка остановилась. Осколки секут листья, впиваются в кору деревьев, а лошадку пока что минуют.

Мины падают часто... Кобылка выбилась из сил, спасаясь от смерти. Длинные, похожие на ослиные, уши пугливо сдвинуты, ноги дрожат, когда она хоть на миг останавливается и как бы выбирает, куда ринуться снова.

"Разве так спасешься? - думает Виктор, наблюдая за лошадью из блиндажа. - Неопытная сибирячка, необстрелянная..."

Старшина роты где-то подобрал эту кобылку и при необходимости запрягал ее в повозку. Иногда подвозил на ней ящики с патронами, ротную кухню.

Повозки не видно поблизости, возможно, ее давно уже разнесло минами. И старшины не видно, не слышно. Виктор посылал связного искать его. Солдат куда-то ползал, куда-то бегал, потом ввалился в блиндаж, весь заляпанный мокрым песком, пропахший раздавленными грибами.

- Нигде не нашел, товарищ старший лейтенант!

Виктор поморщился, однако стерпел, не послал бойца снова под огонь. Скорее всего убит старшина. Это уже не удивляет: особую штурмовую роту все время бросают на самые горячие участки.

...Еще на рассвете Виктор пристроился неподалеку от блиндажа возле стожка сена. Стожок невелик, но от пули заслонит, и вражеские позиции из-за него разглядеть можно. Лег на сено, поднес к глазам бинокль.

Подбежал связной, не тот, который безуспешно искал старшину, а другой маленький, чернявенький, почти подросток с виду. Звали его Толя.

- Дайте я гляну, товарищ командир!

- Да что ты увидишь с таким ростом? Беги в блиндаж!

- А я на стожок!

Резкий взрыв ударил в уши, горячей молнией плеснул перед глазами. Зажал, забил дыхание запахом горелой серы.

Виктор съехал по сену вниз, отдышавшись, протянул связному бинокль:

- Ну глянь, если хочешь! - Бинокль повис в руке. - Ну чего ты? Бери, когда дают!

Чернявый связной лежал, будто прикрывшись своим стеганым бушлатом.

- Что с тобой, Толя?

Мина была маленькая, от ротного миномета, но осколок

угодил прямо в висок. И парень даже не вскрикнул - сразу потерял сознание.

В блиндаже... Хотя можно ли назвать это блиндажом? Еще совсем недавно штаб роты размещался в маленькой, уютной глинобитной хатке здешнего хуторянина. Таких много в Западной Украине. Вражеский минометчик засек ее и начал методически и настойчиво расклевывать хатку минами. Сначала попадал то в хлев, то в колодец, нарыл ямок во дворе. А потом все же накрыл и хатку. Мины начали рваться на черепичной крыше. Пробить насквозь не пробили; но хатка подозрительно вздрагивала от взрывов, и на хозяйский стол, покрытый вышитой скатертью, начала сыпаться побелка с потолка. Было очевидно, что упрямый и безжалостный в своем старании фашистский минометчик постепенно пробьет крышу, мины станут падать на кострику, которой засыпан чердак, и подожгут хатку.

Штабу особой штурмовой пришлось перебраться в погреб. Хорошо, что погреб был достаточно велик и выложен по бокам кирпичом, словно хозяин знал, что будет война и что придется отсиживаться тут в лихолетье. Самого его, правда, не было видно.

Связисты перенесли в погреб телефон, и, пока вражеский миномет доклевывал хатку, в погребе можно было спокойно отсидеться, даже подняться на ступеньки и оглядеться вокруг.

Толю положили на нары, наспех сделанные на пустом засеке для картошки. Санинструктор перевязал его, и парень начал что-то рассказывать. Говорил долго, непрерывно и бессвязно. Глаз не раскрывал. Признался во всех своих грехах, вспомнил почти всех близких и родных. С матерью долго и жалобно прощался. Потом стал просить у нее за что-то прощения: "Прости, матуля, прости!" И с этими словами умолк...

Санинструктор, нагнувшись над нарами, взял Толину руку, долго нащупывал пульс, потом тихо опустил неживую ладонь...

Перед этим же хуторком по лесу тянутся боевые позиции роты. Только вчера выбили отсюда фашистов. Позиции неудобны для обороны, слишком открыты, но выбора нет. С обеих сторон - грунтовые дороги, поэтому приказ командира полка: удержать рубеж, не допустить танкового прорыва!

В роте - два взвода ПТР, пулеметный взвод, две гаубицы, приданные для ударной силы. Но у противника сил намного больше. Намерения его пока что не известны Виктору. Звонил в штаб, спрашивал, но и там ничего определенного не сказали.

Из блиндажа довольно далеко видно даже без бинокля. Виктор снова стоит на цементных ступеньках и наблюдает. Кобылка уже не попадает в поле зрения, наверно, нарвалась где-то на осколок и упала. Кони быстро гибнут даже от малой раны.

Вон на дороге, подбитая нашими автоматчиками, немецкая пароконка. Два белых коня стоят на коленях, головами прижались друг к другу, будто спят. Но они уже давно мертвы. Виктор видит их с самого рассвета. Оба похожи на его Сокола, потому вызывают в душе жалость и боль. И даже обиду на ротных автоматчиков, которые стреляли не в фашистов, а в коней. Кони никому не враги. Стыдно признаваться не только командованию, но даже и самому себе, что двое ездовых с немецкой фуры соскочили на ходу и убежали, а ни в чем не повинные белые красавцы превращены в гору мяса. С повозки хлопцы взяли пакеты с душистым мылом, несколько комплектов белья и охапку полотенец.

Когда Виктор увидел белых коней в первый раз, он не поверил, что они мертвы: вот встанут и потащат облегченную повозку дальше. И, может, даже не в сторону врага.

Теперь уже понятно, что соколы не встанут. Может, и сибирячка прибилась к ним и там нашла свой конец?

Виктор стал внимательно вглядываться в лесок и шарить биноклем по окрестностям. Линзы скользили по стожку сена и сразу отскочили в сторону: там дурацкий осколок пробил висок Толи. Почему сено не уберегло такого чудесного хлопца, почему не приняло тот осколок на себя?..

Возле стожка кто-то стоит. Приглядевшись, Виктор увидел, что к сену припала мордой кобылка. Стоит спокойно, даже не вздрагивает от минных разрывов. И жует. В минуту затишья между выстрелами Виктору кажется, что он слышит ее хрупанье.

За стожком, вдали, виден какой-то хуторок. Скорее всего такой же, как и этот, где теперь размещается штаб роты. Наверно, жили тут хорошие соседи, ходили друг к другу в гости: для хуторянина верста, а то и две - не расстояние. За тем хутором - вражеские позиции. За хатой стоит и тот ротный миномет, который методично и злобно расклевывает постройки хуторка. Накрыть миномет наши стрелки не могут - мешает хатка.

Виктор еще вчера вечером ломал голову, что делать с этим хуторком, какое принять решение. И посоветоваться не с кем. Да и какие тут советы: не такие хуторки уничтожали, если они становились помехой в наступлении.

Подозвал к себе Толю уже в сумерках. Теперь больно вспоминать о нем.

- Видел хуторок, что возле вражеских позиций?

- Видел, конечно.

- Ну и что ты о нем думаешь?

- Думаю, что надо его поджечь, пока не поздно.

- Почему так безжалостно: поджечь! А может, там люди,

дети?..

- Никого там нет, как и у нас тут. Хуторяне сбежали. А может, к бандеровцам подались. Теперь где-нибудь в лесу готовят для нас засаду.

- Почему к бандеровцам? - возразил Виктор. - Приходил же недавно хозяин нашего хутора. По-моему, хороший человек. Подсказал даже, где у него в погребе бутыль прошлогодней вишневой наливки стоит, разрешил раздать бойцам...

- Вишневку-то он показал, - согласился Толя. - Спасибо! А вот где у него была припрятана куча лимонок, не показал. Я сам нашел!

Виктор замолчал, а Толя спокойно, будто взвешивая каждое слово, продолжал:

- Вишневку его тоже надо проверить: где-то тут, возле погреба, петух был, если ребята еще не оторвали ему голову. Сыпану на пробу вишен петуху. Если выживет - можно пить. А хозяина нашего хутора я все же отправил в штаб полка: замполит приказал.

Толя одернул бушлатик, чуть не на самые глаза надвинул пилотку.

- Так я пошел?

- Куда? - удивился Виктор.

- Выполнять приказ. Бутылка горючки у меня есть.

- Никакого приказа я тебе не давал, - резко сказал Виктор. - Негуманно это! Слышал? Бесчеловечно!

- А они завтра поставят за тем хуторком еще один миномет и станут очень "гуманно" нас расстреливать. Этого дожидаться? Я уверен, что так оно и будет!

Виктору нечего было возразить.

Прихватив в саду бутылку с горючим, Толя, пригнувшись, нырнул в темноту. Сперва Виктор прислушивался к его шагам, а затем стал вглядываться туда, где был расположен приговоренный им хутор, и с какой-то особенной тревогой ждал, что вот-вот там блеснет огонь.

Время шло. По расчетам Виктора, Толя уже должен был добраться до хутора и пустить в ход бутылку с горючим. Однако нет, в той стороне стояла густая влажная темень. Тревога Виктора возрастала, но вместе с нею душу исподволь наполняло и другое чувство, которое в тот момент трудно было определить: как бы радость оттого, что связной не смог поджечь хутор, а еще лучше - если не захотел предать огню крестьянскую хату, наверно, похожую на ту, в которой сам когда-то родился и жил. И вдруг Виктора начали мучить сомнения: как он мог отдать такой приказ, как мог послать человека на такое пакостное дело? Разве

это боевое задание? Разве для таких, с позволения сказать, операций он назначен командиром роты? Стыдно будет в глаза посмотреть бойцам, если узнают, что мирная крестьянская хата сожжена по его приказу.

Тем более что скоро рота должна пойти в наступление. Полковая артиллерия поддержит огнем, хотя и не без риска для своих, так как очень мало расстояние между вражеской и нашей линиями. Может и хутор тот попасть под огонь. Но это же совсем другое дело, не то что взять да поджечь. Нет, надо остановить Толю. Выбьем фашистов, фронт отодвинется отсюда, вернутся на хутор хозяева, наверно, с малыми детьми. Старики будут благодарить бога, что спас их жилье. А бог этот - кто? Он, командир штурмовой роты.

"Надо отменить приказ, пока не поздно!" Принятое решение положило конец всем сомнениям. Он позвал другого связного и, приказав не открываться, выскочил из укрытия...

На хуторе вдруг блеснул огонь в окне и сразу погас.

"Отставить!" - хотелось крикнуть Виктору, но опасность, что его услышат во вражеских окопах, была слишком велика, и он сдержался, только с еще большим отчаянием ринулся вперед.

- Отставить! - крикнул уже в сенях, почти слыша, как где-то в темном углу Толя шуршит спичкой о коробок.

В темноте сеней вкусно пахло малосольными огурцами, сдобренными укропом: наверно, хозяева были здесь совсем недавно.

- Кто там? - послышался из хаты приглушенный, но требовательный голос. И в тот же момент вспыхнул фонарик, колюче сверкнул Виктору в глаза.

- Свои! - ответил Виктор не сразу и без тревоги, так как узнал Толин голос.

- Это вы? - удивился Толя, увидев на пороге командира. - Что случилось? - Он растерянно опустил автомат и добавил тихо: - Так и до беды недалеко, у меня палец был на курке.

- Почему не выполняешь приказ? - спросил Виктор.

Голос строгий, но связной почувствовал, что это не та привычная строгость, и растерялся еще больше. Догадался, что с командиром что-то происходит, но не мог понять что. Почему командир прибежал сюда с другим связным? И, наверно, очень спешил - грудь ходуном ходит.

- Спички отсырели? - спросил, будто упрекнул, Виктор. - У меня мадьярская зажигалка в кармане.

- А у меня - немецкая, - сказал Толя. - Вот! - Он достал из-под бушлата блеснувшую в темноте зажигалку, подбросил на ладони.

- Так в чем задержка?

- А тут вот пленник! Не кавказский, конечно... Здешний. Потолковал с ним немного. Допросил...

Виктору вспомнилось, что Толя действительно неплохо говорил по-немецки, хотя успел закончить только среднюю школу. Глаза мало-мальски освоились с темнотой, и он заметил в хате две люльки, подвешенные к потолку. Одна из них тихо покачивалась. На кровати сидел человек и держал рукой за люльку.

- Давай свет!

Приказ прозвучал твердо и резко. Толя вытянулся в струнку.

- Так окна не завешаны, товарищ старший лейтенант!

- Завесить!

Выполнять приказ кинулись оба связных. Потом Толя включил фонарик, и Виктор увидел, что люльку покачивает пожилой, заросший щетиной немец. Увидев офицера, немец встал, принял стойку "смирно", однако руки от люльки не отнял.

"От страха поседел", - невольно подумал Виктор, но с первого же взгляда отметил, что человек не очень напуган и глядит на советских воинов доброжелательно.

- Кто такой? - Виктор повернул голову к первому связному.

- Их ездовой, - охотно начал рассказывать Толя. - С той пароконки, что наши хлопцы подбили. Немцы его считают убитым. А он тут... И не знает, куда податься.

- С оружием?

- Да нет. Ничего при нем нету, я проверил. Говорит, что ни разу не брал в руки винтовку, хотя она и лежала в повозке. Мобилизовали его недавно, дома - внуки-близнецы. В такой же, поди, люльке...

Виктор кивнул второму связному, чтоб подежурил у выхода, а сам присел возле стола, хотел дослушать рассказ Толи. Ездовому тоже подал знак сесть. На столе лежала узорчатая домотканая скатерть с симметричными шашечками по краям. Скатерть прикрывала меньше половины стола, потому что была сложена втрое. Наверно, таким способом тут накрывали каравай, а может, и просто нарезанный хлеб. На пустом столе скатерть выглядела ненужной и чужой. В углу над столом висела небольшая иконка в багетовой рамочке, украшенная рушником из той же ткани, что и скатерть. Рушничок окаймлял иконку сверху и по сторонам. Когда Виктор взял из Толиных рук фонарь и посветил в угол, то увидел, что рушничок украшал не "матку боску" и не "Иисуса Христа" в исполнении самодеятельных богомазов, а вылинявшую копию творения Леонардо да Винчи "Мадонна Бенуа".

- Может, вам огурчика малосольного? - вдруг спросил Толя.

Виктор сердито посмотрел на него и отдал фонарь. В этом

взгляде Толя уловил молчаливый упрек и стал оправдываться:

- Нет, сам я не лазил. Это немец мне показал: там их целый ушат.

- Так что он тебе еще рассказывал?

- Свою биографию, - ответил связной. - А разведданных никаких!

- А ты спрашивал?

- Нет. Я только слушал. Сын его погиб под Курском, а невестка померла... Вот он сам и растил внуков. Просил, чтоб не брали на фронт. Не помогло.

- Про часть свою что-нибудь знает? - прервал Виктор связного. - Ты, я вижу, всю ночь слушал бы его биографию!

В голосе хоть и слышалась суровость, но она была показная, шла не из глубины души. И Толя чувствовал это, ибо знал, как командир тоскует, вспоминая своего сынишку и молодую жену.

- Я сейчас допрошу этого деда! - сказал он и навел фонарик на ездового. Тот сперва прикрыл глаза ладонью, а потом стал покорно глядеть на Виктора, жалобно моргая усталыми веками.

- Не надо! - твердо сказал Виктор. - Там допросим, дома. А теперь марш отсюда! Пленного с собой!

- Так, может, я тут оставлю вот это? - Толя вынул из кармана бутылку с горючим. - Положу в люльку, подожгу, а тут обои на стенках...

- Отставить!

На обратном пути Виктор невольно представлял себе, как загорелись бы люльки. Одна, потом вторая... Матрасики в них из сухого сена. От люлек занялись бы хата, овин... А если б там были дети? Где люльки, там и дети. Тогда чем он лучше фашистов? Напрягся, чтоб отогнать злую мысль, но она тянула за собою страшное воспоминание...

Угли и пепел на том месте, где недавно была хата. Еще совсем свежие угли, теплый пепел. У печи два обгоревших ухвата - большой и поменьше. Красные, будто заржавели от огня. Там, где была, видно, кухонная полка, лежат в пепле три маленькие глиняные мисочки. Они потрескались от жара, но не распались на части. В них по горстке пепла вместо детского завтрака...

И тогда сразу, и потом, когда первое впечатление будто бы начало слегка затуманиваться, Виктор немел от ужаса, стоило ему вообразить, что из одной из тех мисочек ел его сын. Ел и не доел... Не верила душа, сердце обливалось кровью при мысли, что и малые дети могут гореть в огне войны. И вместе с ними - их колыбели. И даже глиняные мисочки...

На подходе к штабному хутору пришлось замедлить шаг, так

как пленный немецкий ездовой уже едва переставлял ноги и не дышал, а хрипел. Стожок возле хутора показался надежным укрытием: Виктор бросился на душистое сено. Сладко и животворно потянуло сухим чебрецом. Потом уловил слабый запах полевой мяты. Все как когда-то дома во время сенокоса, когда выпадала минута передохнуть на скошенной траве.

Толя, уронив голову на сено, моментально уснул.

"Пусть поспит, - сочувственно подумал Виктор. - Сколько их выпадает, таких вот тихих минут?" Бойцы его роты целыми сутками не знали отдыха.

Рядом с Толей улегся пленный ездовой. Виктору показалось, что немец прижался к Толе, чуть не обнял его, как самого близкого человека.

"Заснул или только притих? - подумал Виктор о немце. - А потом незаметно даст ходу. Куда? К своим? Там не помилуют за то, что бросил повозку".

Вскоре пришел дежурный и доложил, что командира вызывают к телефону.

Голос в трубке, как показалось Виктору, был самоуверенный, беспечный, хотя в начале разговора задавались вопросы оперативного характера. Говорил ПНШ-2 - второй помощник начальника штаба полка. Не дослушав сообщения, что в роте находится пленный ездовой, попросил:

- Слушай, старшой! Тут у нас известие, что твои ребята целый обоз немецкого барахла захватили... Будешь отправлять к нам пленного, пришли хоть пару кусков мыла! Умываться нечем! Понимаешь?

Пускай поспит Толя... Его пленный никуда не денется. Парень не сомкнул глаз прошлую ночь - Виктор знал об этом. И спал ли он в предыдущие ночи, тоже не припоминается.

Пускай Толя поспит...

Кто мог знать, что это его последний сон, что через несколько часов, с первым лучом солнца, парень погибнет возле этого стожка...

А могло быть иначе, если бы Толя не пожалел детских люлек и сразу поджег хутор, скрывающий вражескую позицию? Как знать...

Толя лежит в штабном погребе, голова прикрыта бушлатиком. И все, кто забегает сюда из траншей, уважительно обходят его ноги в кирзовых сапогах: думают, что связной спит.

С наступлением сумерек, если рота останется на месте, его похоронят и столбик с дощечкой поставят на могиле. А если роте будет приказано сейчас же ринуться в атаку, то и на это времени не останется. Сколько таких атак на памяти Виктора, таких

смертей!..

Вот случай, уже давний, но врезавшийся в память, как осколок.

Звонок из штаба батальона:

- Там у тебя на горке засело несколько мадьяр. Предложи им сдаться. А не сдадутся - уничтожь! Дадим артналет!

Вихорев знал, что на горке перед его позициями не мадьяры, а отборное эсэсовское подразделение. Закрепились они основательно, и обычной пехотной атакой их оттуда не выбить. Передал свои соображения на этот счет в штаб. В ответ услышал в повышенном тоне:

- Будет артналет! Как начнем - подымай своих.

В назначенное время послышался одиночный выстрел гаубицы. Взводы насторожились: вот-вот начнется артподготовка.

- Вперед! - вдруг передали по телефону команду.

Бойцы ринулись в решительную, но безнадежную атаку. Тогда в его наспех укомплектованной роте были, считай, одни необученные новобранцы. Пройдя немного, они залегли за кустами и пнями и стали палить в белый свет из винтовок, чем сразу обнаружили себя, дали врагу ориентир. Приказал броском выходить из-под огня.

Пока впереди были кусты, кочки да пни, бойцы кое-как бежали и ползли, а перед голым пригорком опять залегли, и уже никакая сила не могла их поднять. Виктор кинулся вперед и в тот же момент заметил, что один боец дергается на земле, глухо стонет. Подполз к нему: пожилой человек из первого взвода, винтовка с открытым затвором обеими руками прижата к животу.

- Браточки, помогите! Кончаюсь!..

Виктор понял, что боец тяжело ранен в ноги, что он действительно может умереть, но такая судьба ждала каждого, кто шел сейчас в атаку, и прежде всего его самого - он всегда вырывался вперед. Ни санинструктора, ни связного рядом не оказалось. Вихорев подхватил раненого под мышки и потащил вперед. Не назад, не в сторону, а вперед. Позднее он не раз вспоминал ту атаку и не мог найти оправдания своему поступку: раненого - под пули.

Землю впереди всколыхнул сильный взрыв. Это было неожиданно для Виктора: он знал, что на этом участке у немцев артиллерии нет. Неужели свои ударили с таким недолетом? Глубокая, свежая воронка притянула к себе как магнитом. Свалились туда оба, и раненый застонал громко и жалобно.

Перевязать бы ему раны!.. Но взрыв громыхнул снова. Не с самолета - над головой голубело небо, и на нем чуть ли не в самом зените стояло солнце. Не из далекого орудия, ибо

выстрела не услышал. И только спустя минуту Виктор вдруг увидел, что почти рядом в кустах стоит вражеская полосатая "пантера" и прямой наводкой палит по цепи его роты. Атака могла захлебнуться. Виктор понял, что единственное спасение - идти вперед. На правом фланге увидел свой пулеметный расчет. Кадровый. Обрадовался: "Молодцы, хлопцы! Не отстали!" Два пэтээровца, тоже кадровые, лежат, притаившись, за последним перед пригорком кустиком и длинным черным дулом выцеливают "пантеру". Если откроют огонь, то бронебойные пули просвищут аккурат над воронкой. Ничего! От своих не погибнешь!

- Подожди, дядька, минутку!.. Потерпи! Сейчас мы вернемся и заберем тебя!

Раненый застонал громче, слова Виктора вряд ли услышал.

Пулеметный расчет, увидев перед собою командира, рванулся вперед, группа бойцов - ветераны первого взвода (кто хоть месяц повоевал - уже считался ветераном) - по-пластунски двинулась следом. Неумолимая логика момента вынуждала к решительной схватке на песчаном пригорке, которая либо принесет победу, либо присыплет землей всех смельчаков. Стрелять придется в упор: кто кого? Бросаться в их окопы, блиндажи... А там - пулей, штыками, ножами, просто руками и ногами, зубами... И снова же - кто кого?

В таких атаках Виктор бывал уже не раз, но попробуй расспросить у него, как и что там происходило, вряд ли вспомнил бы: все как в тумане. Человек в таких случаях действует почти инстинктивно. Вот и теперь на пригорке часто и больно отдает в плечо автомат. Своих выстрелов он не слышит, потому что рядом очередями гремит пулемет. В кого ребята стреляют, в кого стреляет он сам?

Эти вопросы все же возникают, хотя вроде и не до раздумий теперь: еще бросок - и вот они, вражеские окопы.

Горячо левой ладони - это нагрелся ствол автомата. А где запасной диск? Нет. В кирзовой кобуре - парабеллум, полные карманы патронов к нему. Но зачем столько огня?.. Появляется мысль: врага, может, нет на пригорке? А где он? Отступил? Эх, вряд ли, вряд ли!

- Стой! - подает Виктор команду и сам не слышит своего голоса заглушила пулеметная очередь на левом фланге.

- Назад!

Обстановку оценил молниеносно и тут же выругал себя: это надо было предвидеть. Пора бы уже знать немецкую тактику обходов. Особенно тому, кто погнал в атаку оторванное от основных сил подразделение.

Уже почти в тылу роты снова начала бить вражеская

"пантера" - пригорок содрогнулся от сдвоенных взрывов. Виктор с болью слушал их ухом, прижатым к теплому песку. Потом почувствовал на шее жидкое тепло... Оно разлилось по щеке, по подбородку, тонкой струйкой затекло в рот. "Потом заливает... Соленым..." Поднял руку, смахнул со щеки пот... И увидел на песке кровь. Она казалась черной, страшной, чужой. Почувствовал тупую боль возле уха. Никого рядом нет. А как самому перевязать рану, которой не видишь? Зубами разорвал пакет, кое-как обмотал бинтом шею. Кровь не унималась...

Сползал с пригорка с трудом, мучительно; стекавший вслед песок присыпал черные капли крови. "Если задета артерия, то кровь не остановить". Мелькнула слабая надежда, что на спуске с пригорка должна быть та самая воронка от снаряда. В ней лежит раненный в ноги боец. Надо помочь ему. А солдат поможет лучше перевязать шею. И тогда обоим - в тыл... Скорее в тыл, пока немцы не окружили со всех сторон!..

Боец в воронке был мертв. Скорее всего, высунулся сгоряча и бронебойная пуля угодила ему в голову...

Кобылка отошла от стожка, будто почуяла, что дальше тут хорониться опасно. Это была последняя пища огню. Все остальное давно сгорело, только угли светились ночью, а кое-где поблескивали из пепла и днем. Теперь глазу из блиндажа, если можно так назвать хуторский погреб, не за что зацепиться все голо, пусто до самых вражеских позиций. Вроде и лучше стал обзор, а все равно жаль стожка: он защищал от пуль, возле него можно было постоять, за ним хоронилась кобылка. И сам Виктор не раз дышал свежим сеном...

А хуторок с двумя люльками в хате, помилованный Толей минувшей ночью, стоит. Пока горел стожок, постройки застилало дымом, но он быстро рассеялся. Если бы не тот хуторок, бинокль Виктора, возможно, нащупал бы миномет, который с немецкой педантичностью кладет и кладет мины в одно и то же место. Пока что не попадает в блиндаж, но разрывы приближаются. Очевидно, где-то на дереве сидит корректировщик. Он подскажет взять еще на полсотни шагов дальше. Погреб, может, и выдержит легкую мину, но тогда не увидишь, что происходит на позициях, своей и вражеской. И не похоронишь Толю, который все еще лежит на нарах.

Штаб молчит. После того как послал им мыло вместе с пленным ездовым, ни одного звонка. Принять решение самому и поднять роту в атаку - рискованно. Враг тут хорошо закрепился. Несколько раз Виктор просил огня, заведомо подвергая себя и бойцов риску - уж очень сблизились позиции. Ответа нет.

Опыт прошлых лет настойчиво подсказывает, и Вихорев остро

чувствует, что дальше оставаться в бездействии на этой позиции нельзя: можно не только расхолодить бойцов, но и многих потерять. Расчет на то - а в штабе, видимо, на это и надеются, - чтобы ночью поднять роту и занять более удобную позицию, утратил смысл: действия роты парализуются вражескими минометами и снайперами.

Надо похоронить Толю немедленно. Хорошо бы выкопать могилу возле того стожка, где его достал осколок. Ничего, что стожок сгорел. Пепел тоже отметка: там долгое время будет чернеть земля.

Едва Вихорев успел прикрыть крышку погреба, как вражеская мина ударила в то место, где был стожок, подняла густой серый столб пепла. Показалось, что прилетела мина действительно из-за того хуторка возле вражеских позиций, где две детские люльки, запах малосольных огурцов и иконка в переднем углу под домотканым рушничком.

Если бы Толя сразу поджег хуторок... Если бы не разговорился со старым немцам, у которого остались дома одинокие внуки... Если бы не пожалел детских колыбелек... Тогда нашим минометчикам ничто не мешало бы накрыть вражескую позицию. И, наверно не попали бы вражеские мины в стожок. Толя был бы жив... И сам стожок не сгорел бы...

Телефон зазвонил, когда санинструктор и связной командира, выбрав момент, вылезли с лопатами из погреба и начали рыть могилу. Говорил тот же ПНШ-2, который не так давно просил мыла.

- Слушай, старшой!

- Слушаю.

- Начальник штаба приказал явиться на оперативное совещание. Немедленно!

- Да у нас тут нельзя головы поднять.

- Ничего. Проползешь!

Приказ есть приказ. Неожиданный, правда, и довольно странный: кто это собирает совещание средь бела дня? Но у штаба полка свои соображения.

У Виктора тревожно екнуло сердце. Что это - страх? Он решительно откинул люк погреба, почти в полный рост подошел к санинструктору и связному, которые, стоя на коленях, копали продолговатую, как парная огневая ячейка, ямку.

- Пошли, хлопцы, со мной! Вызывают в штаб.

Те положили лопаты на свежую сырую землю, что успели набросать, взяли автоматы.

- В штаб так в штаб! - сказал санинструктор с погонами старшины на вылинявшей и мокрой от пота гимнастерке. -

Жарковато будет по дороге!

"Проползем!" - хотел повторить Виктор слова ПНШ-2, но сказал другое:

- Если вражеские "кукушки" близко, то лучше рывком с места и резкими зигзагами попробовать запутать снайперов.

Ощутил давно знакомые толчки крови в висках, заныло сердце. Такое состояние каждый раз возникало перед атаками, но быстро исчезало, когда подступал грозный момент. Виктор был уверен, что и теперь боль утихнет, стоит им двинуться в дорогу. Жажда жизни всегда побеждала. Победит и на этот раз.

Сколько вражеских пуль пролетало возле самого уха, сколько осколков! Было и такое, что в поясной ремень втыкались осколки, а до тела не доходили. Тут, видимо, главное - не спасовать перед угрозой, не пустить к сердцу тревогу и неуверенность.

Все зависит от воли, от душевной силы и стойкости. Поступки должны определяться этим. Но мысли, воспоминания порой приходят и против воли. И сейчас вспомнилась Виктору Бобровка... Домик с покосившимся крылечком и сквозным зеленым коридором от улицы до огорода. Тимка у Гали на руках. Нет, не на руках, а самостоятельно топает у двери. В рыжих штанишках, в старенькой курточке. Мальчик тянется взглядом к незнакомому военному, который и есть его отец, папка. Мальчик рад и, наверное, очень хочет, чтоб папка никуда не уходил, не уезжал. А если папке обязательно надо куда-то ехать вот на этом белом с черными ушами коне, то пускай бы и его взял с собою. Как он бегает, этот конь! Папка назвал его Соколом. А может, Сокол летает?

Эх, Сокола бы ему теперь! За минуту примчал бы в штаб полка. Никакая пуля не догнала бы.

"Как можно снимать командира с боевой позиции?"

"У вас там затишье! Ясно?"

"Побывал бы сам в таком затишье!"

"Разговорчики! Скоро вернешься на свою позицию! Ясно?"

Этот диалог прозвучал в воображении. Реальность же вынуждает немедленно покинуть относительно безопасное место в кирпичном погребе. А кругом все пристреляно фашистами, бойцы не могут поднять головы из окопов. Один смельчак недавно прибегал с котелком на хутор, чтоб набрать воды. До колодца добежал, набрал воды в котелок. Виктор с тревогой следил, как боец, напившись сам, торопливо пополз на свою огневую позицию. Котелок держал одной рукой за дужку, потому двигался вперед боком, загребая одним локтем, как опытный пловец во время переправы с оружием. Котелок слегка качался, но вода не расплескивалась, ни одной капли не пролилось.

Вдруг боец содрогнулся и резко подался в сторону. Из котелка ударила быстрая струйка. Струйка светилась и поблескивала живым серебром. Видно было, как живой сверкающий ручеек смачивал бойцу лицо, светлые, неровные, видимо, пальцами расчесанные волосы.

Боец перехватил котелок в другую руку и пополз еще быстрее. Потом у него, наверно, исчезла боязнь за собственную жизнь. Он поднялся и, держа котелок перед собою, как бы подавая его товарищам в окоп, ринулся вперед. Виктор видел, как он пробежал несколько последних шагов. Видел, как упал. А вот пополз ли дальше, кто его знает - там была лощинка...

Все же Вихорев сказал санинструктору и связному:

- Пройти, конечно, будет трудно. Если робеете - не ходите, я вас не неволю.

- Лучше вам не ходить! - ответил на это санинструктор и открыто, с отцовской жалостью в глазах поглядел на Виктора: он был старше своего командира на несколько лет.

- У меня приказ, - тихо промолвил Виктор.

- Там телефон же есть!

- Мало ли что!..

- Тогда и у меня приказ! - сказал санинструктор и повесил на плечо медицинскую сумку.

Он держался на расстоянии от командира, но не так далеко, чтобы выпустить его из поля зрения. Не трусил, нет, просто не поспевал, ибо командир был моложе. К тому же у Виктора тренировка, а санинструктор призван в армию недавно, из деревенской больницы, где был фельдшером и акушером. Связной - совсем подросток и, как Виктор, быстрый, верткий. Этот не отставал от командира, все время норовил быть с ним рядом. Виктор понимал, что хлопец излишне рискует. Наверно, понимал и сам связной, что двоих скорее заметят, но все же не отставал. Для него, видимо, самое важное теперь было - при случае прикрыть командира собою.

"Толя! - хотел сказать ему Виктор. - Не рискуй зря, не показывай свою смелость! Она и сама проявится, когда будет нужно!"

С болью вспомнил, что рядом не Толя. Тот напрасно не рисковал. Всегда был осторожен, рассудителен, даже медлителен в действиях. А вот погиб же, и не в бою, не на опасном задании, а под копною сена, которая должна была заслонить его от пули или осколка.

Боец с котелком в руках, который недавно прибегал за водой, действительно рисковал жизнью, но вряд ли думал об этом. Он просто хотел утолить жажду и принести напиться товарищам. И,

хочется думать, остался жив, даже не ранен. И какая-то капля воды, наверно, осталась в простреленном котелке.

В низинке по пути росла полынь. Виктор, продвигаясь ползком, пригибал ее, ломал и подминал под себя. Острый и терпкий запах забивал дыхание, но не был неприятен. Один стебелек полыни резко качнулся над головой, потом будто подскочил вверх и упал, срезанный, в траву. Виктор не услышал свиста пули, но, увидев срезанный стебель, понял, что попал под прицел. Поднявшись, рывком кинулся вперед. Упал в густой куст полыни, на миг замешкался, чтоб отдышаться и выбрать глазами удобное место для следующей остановки. А связной помчался дальше. В него не стреляли. Тут же верхушка полыни снова встрепенулась, и теперь уже Виктор услышал, как над его головой вжикнула пуля.

"Видит портупею на спине, - почему-то без страха и особой тревоги подумал Виктор. - Да еще сумка трофейная на боку, да парабеллум в кобуре, тоже трофейный. Скинуть бы сумку да спрятать в траве. А что там, в сумке-то? Два отделения, и оба почти пустые. Поэтому она совсем легкая, даже не чувствуешь на плече. Только западает на спину, когда ползешь".

Почти пустая и легкая сумка... Еще не набита бумагами или воинскими картами. Но там хранятся Галины письма, которые посчастливилось получить после побывки в Бобровке. На каждом - Тимкина "роспись": он кладет ладошку на бумагу и растопыривает пальцы, а мать обводит их карандашом. Ладошка выглядела очень натуральной, будто живой, и такой нежной, что Виктор прижимал ее к щеке, к губам, и ему казалось, что он вдыхает родной запах Тимкиного тела, слышит его голос, видит лицо, глаза.

И еще закуточек в этой мадьярской сумке. Туда заткнут черный футлярчик с военным паспортом.

Так разве снимешь сумку с плеча, пока ты жив? Разве бросишь парабеллум с кабурой?.. Хоть и под страхом смерти! Хоть при самом тяжелом увечье!.. Пусть один палец будет владеть, пусть самый слабый, мизинец!.. Но он при необходимости нажмет на курок...

Связной тоже остановился в полыни, повернул голову и вглядывается в заросли, ищет командира. Потом махнул ему рукой, позвал, будто заверяя, что то место, где он укрылся, более надежно. Действительно, там было спокойнее, пули не свистели, но Виктор уже знал, что спокойствию этому наступит конец, как только он поравняется со связным.

А санинструктора нет, отстал, может, вернулся в хуторской погреб. Убедился, что проползти тут невозможно, и вернулся:

доложит там замполиту, мол, его помощь не потребовалась.

И вдруг старшина очутился рядом. Виктор еще помнил это. Помнил также, что при следующем рывке вперед что-то острое вонзилось в грудь. Вонзилось почти без боли - он еще пробежал после этого несколько шагов. Еще слышал свой голос, когда спросил у санинструктора:

- Что это, конец?

И спокойный ответ:

- Ну что вы! Совсем пустяковая ранка! Перевяжу быстренько, и побежим дальше.

Связной приполз из своего укромного места и помог санинструктору перетащить командира туда, где только что лежал сам: от недавней вспашки там осталась борозда и полынь перемешалась с густой высокой лебедой. Санинструктор шепотом приказал связному вернуться и позвонить в штаб полка, что командир роты ранен.

- Тяжело? - спросил связной тоже шепотом, но санинструктор промолчал и не подал знака головой, боясь, что Виктор заметит это.

- Ползи! - повторил сурово.

Этот приказ слышен был Виктору, но уже неотчетливо, будто издалека, а о чем они шептались перед этим - не дошло ни до слуха, ни до сознания.

Лицо санинструктора напряженно-спокойно. Оно совсем близко, прямо над Викторовым лицом: почти соприкасаются носами. Но в те короткие моменты, когда Виктор раскрывает глаза, санинструктор отдаляется: будто поднимается вверх или отлетает в сторону. Только прикосновение его рук все время приносит боль... Словно и не руки это, а острые, раскаленные на огне и очень длинные рогатины, которые достают до груди даже с далекого расстояния. Руки достают, а лицо исчезает и исчезает. И уже не помнится, какое у санинструктора лицо. Будто и не встречал никогда, не видел каждый день...

А горечь полыни чувствуется. И на вкус, и на запах. Горечи теперь намного больше и во рту, и внутри всего тела. Она душит, от нее перехватывает дыхание... Она не дает пробиться даже маленькой струйке свежего, чистого воздуха.

- Воды! - просит Вихорев.

Но ему никто не отвечает. Никто не слышит его голоса...

Санинструктор наконец замечает, что командир требует воды. Не слышит, а замечает по слабому шевелению губ. И трясет головой, наклонившись к Викторову уху. Громко говорит:

- Вам нельзя сейчас воды... Нельзя.

Но губы раненого шевелятся снова.

В отдельные мгновения вспоминалось минувшее, недавнее ранение... Тогда не было полыни... Горечи такой не было... Свои пальцы увиделись рядом с травою... Они тоже были зеленые и дрожали. Тем и отличались от травы, что дрожали...

Показалось, что на помощь подоспел Сокол. Он остановил свой стремительный галоп возле того места, где лежал его хозяин. Стоял, опустив гриву, пока Виктор не уцепился руками. Сам опустился на передние колени, чтоб хозяин мог перекинуть ногу через седло...

Вот если б действительно появился Сокол... Санинструктор помог бы лечь на седло... Тогда бы все в один момент исчезло: и горечь полыни, и колкие пальцы-рогатины на груди, и жажда. Очень тяжелая, мучительная жажда. Сокол выносит своего хозяина из этого ужасного, проклятого места. Там остается один санинструктор. Он, может, и спасется от вражеских пуль.

...Жажда не проходит, но Сокол знает, как спасать хозяина: он мчится, летит прямиком в Бобровку. Там, в Галиной комнате, полное ведро свежей родниковой воды. Галя зачерпывает кружкой, подает обеими руками:

- Почему у тебя такая жажда? Мой родной!.. Сейчас же не жарко.

- От горечи... От полыни...

Выпив целую кружку, Виктор чувствует в груди облегчение.

- Ты снова ранен? - спрашивает Галя. - Тяжело?

- Да нет! Совсем пустяковая ранка... - Голос не то его, не то санинструктора.

...Подошел Тимка, подросший, но в тех же сшитых из старья штанишках и курточке. Худые детские руки торчат из рукавов, а на голове пилотка, та, что отец подарил в первую побывку. Звездочка блестит ярко, в ней отражается ранний луч, который сквозь гущу пожухлого сада пробился к единственному в комнате окну.

- Ты с самого-самого фронта? - спрашивает Тимка.

- С самого, сынок! Из-под пуль, из-под бомб и снарядов.

- А почему ты не похоронил того человека, что умер в яме, пока ты вернулся к нему?

- Откуда ты знаешь об этом, сынок?

- Я все знаю про своего папку.

- Так я сам был тогда ранен, сынок, - ответил отец. - В шею...

Мальчик поднял глаза, светлые, проникновенные... Внимательно и сочувственно оглядел шею отца. И ничего не увидел: на ней остался лишь маленький рубец, но он был закрыт воротником гимнастерки.

"В шею... - повторил про себя Виктор. - А руки и ноги были

целы". Полз и бежал, чтоб вырваться из окружения. И уже без Сокола. Выводил своих бойцов... Мог ли засыпать застывшее тело бойца? Наверно, мог. Без риска попасть в плен? Вряд ли! Но что же дается на войне без риска, без жертвования собою?

...Дома у бойца, наверно, дети. Они будут ждать вестей от отца... Потом начнут поиски, им, поди, написали, что отец пропал без вести. По всей стране будут искать, по всему свету! И не найдут нигде и никогда - один он, теперешний или уже бывший командир штурмовой роты, знает, где погиб этот человек.

Отец взял сына на руки, прижался лбом к его пилотке и сказал:

- Еще у меня Толя остался непохороненным. Понимаешь, сынок? Не успел я... И написать некому: детдомовский он. А еще - я не сделал самого важного и необходимого: не дошел до Берлина... Не до конца добил врага... Не успел... А это был мой главный долг!..

- А где твой Сокол?

- Он должен быть тут, при мне! Я вот напился, утолил жажду и снова полечу на фронт. Там еще много для меня дел. Если же чего не доделаю, буду надеяться на тебя, сынок! Ты уже большой...

Тимка вдруг исчез. Белый Сокол тоже. Перед глазами мелькает мордастый, с отвислым животом старшина в белом халате, совсем непохожий на давешнего санинструктора. Он расстегивает Викторов ремень, высоко поднимает руки, вытаскивая ремень из-под раненой спины, и довольно усмехается, кривит рот.

"Чего он так кривится?"

Старшина торопливо снимает с ремня кобуру с парабеллумом и прячет под халат.

- Не трогать оружия! - крикнул Виктор и задрожал от возмущения.

Рядом стояли санитарки с носилками. Медсанбатовский старшина и санитарки, наверное, услышали приказ командира, но не выполнили...

1981